

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН
АРТУА.
ЗВЕЗДА ГОРНА

Артуа

Владимир Корн

Артуа. Звезда Горна

«Автор»

2012

Корн В. А.

Артуа. Звезда Горна / В. А. Корн — «Автор», 2012 — (Артуа)

ISBN 978-5-9922-1087-3

В прошлой жизни его звали Артуром, и был он таким же, как и многие из нас. Немного циником, немного романтиком, к своим почти тридцати так и не разобравшимся со своими желаниями. Мечтал о жизни, полной неведомых приключений и чудесных открытий. Вот только все меньше их в мире, где все описано, все посчитано, где давно уже не осталось белых пятен на карте. И его мечта сбылась. Уже три года он существует в мире, который отстает в своем развитии от нашего на несколько столетий. В мире, где все так похоже и все так отличается. Где в круговерти опасностей и испытаний не знаешь, наступит ли завтрашний день. Но Артур выжил. И вот теперь он барон Артуа, в подвалах его замка золото, а в голове знания грядущих веков и множество планов, достойных реализации. Вот только впереди ждет его самое главное испытание – внезапная любовь. И чего же здесь страшного, сколько их было и сколько еще будет? Какая мелочь для мужчины, у которого шрамов внутри не меньше, чем на теле! Да, но не должна была ее императорское величество оказаться девушкой будто из мира его грез...

ISBN 978-5-9922-1087-3

© Корн В. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Корн

Звезда Горна

Пролог

Господи, как же красиво здесь звездное небо! Им можно любоваться часами: темно-синий небосвод и крупные яркие звезды, такие близкие, что, кажется, протяни руку – и вот они, целая пригоршня. Люди, рожденные тут, не могут оценить этой красоты – им не с чем сравнивать, они видят его с рождения. А мне еще долго придется к нему привыкать.

Я не знаю, как попал в этот мир. И видимо, никогда уже не узнаю. Да и не так это важно – теперь, спустя три года, что я здесь прожил. Встретив первых людей, точно таких же как на Земле, я мог бы решить, что очутился в своем мире, только века на три раньше. Но по звездам понял: это другой мир...

Мне долго пришлось привыкать к новой жизни, в которой я оказался простолюдином, человеком без роду-племени. И наверное, смог бы привыкнуть, если бы не встретил свою первую любовь в этом мире – девушку благородного происхождения. Для того чтобы мы могли быть вместе, мне необходимо было стать дворянином. И я стал им, но когда вернулся из долгой, полной приключений поездки – оказалось, что слишком поздно, Милану уже выдали замуж.

Зато я стал обладателем собственного дома почти в центре столицы. А потом мне в руки случайно попала карта, на которой был указан путь к урочищу в Энейских горах, где находились богатые россыпи самородного золота. Примерно в то же время герцог Вандерер от имени группы высокопоставленных лиц Империи в благодарность за удачно возвращенное компрометирующее письмо подарил мне небольшое поместье Стенборо, ставшее базой подготовки похода за золотом, маршрут которого проходил по землям беспощадных кочевников – вайхов.

Для этого опасного предприятия нужно было собрать подходящих людей. Мне повезло: первыми такими спутниками стали барон Анри Коллайн и простолюдин Проухв Сейн – люди, на которых я мог положиться как на себя. Не хуже оказались и другие участники отряда, которых удалось найти в деревнях моего поместья.

А потом было путешествие в Энейские горы, в каньон, названный Золотым, первые потери в стычках с вайхами и урочище, где мы нашли столько золота, что с трудом смогли увезти его на наших лошадях.

Страшно вспоминать жестокий бой в Кайденском ущелье, где только чудо спасло нас всех – если можно назвать чудом самоотверженность воинов, спасших мирный город от нашествия вайхов, чьим именем в Империи пугали детей. Тогда у нас была возможность просто проехать мимо, но мы не смогли этого сделать, потому что нет в этой жизни хуже занятия, чем искать себе оправдание, когда поступил вопреки совести.

Сейчас все это уже позади. Мы вернулись. Вернулись почти все, и с золотом. И теперь у меня появились средства для воплощения в жизнь некоторых технологий, которые при естественном ходе событий появились бы здесь спустя века. В своем имении, Стенборо, я принялся собирать талантливых людей – ученых-практиков и изобретателей. Ведь я знал, по какому пути пойдет развитие цивилизации, и в этом состояло мое основное преимущество. Зеркала, перьевые ручки, многозарядное оружие – это лишь малая часть проектов, которые я намеревался воплотить...

Но сейчас главное – не это. А главное то, что завтра будет бал в императорском дворце, на который нас пригласили как героев сражения в Кайденском ущелье. Там соберется вся здешняя знать. Я усмехнулся, вспомнив, что, когда получал дворянство, мне пришлось придумать свой герб. Этим гербом стала черная лошадка, вставшая на дыбы на золотистом фоне –

как на эмблеме «феррари». Девиз, который я себе выбрал, тоже был родом из моего мира: «Лучше быть пожалованным, чем родиться»...

Глава 1

Бал

К началу бала я опоздал, и это уже становилось дурной традицией. Бал в императорском дворце был в самом разгаре. Хорошо, что хоть до представления императрице дело еще не дошло. Я вошел в огромный зал, кивком головы поприветствовал всех присутствующих и, обнаружив взглядом Коллайна, стоящего в окружении нескольких офицеров, направился к нему.

– Ну и где же ты пропадал? Совсем скоро все начнется. – Анри выглядел несколько бледновато, и было заметно, что он немного нервничает. Со мной ничего подобного не происходило: я заранее настроился, убеждая себя, что во всем предстоящем нет ничего особенного. И знаете, помогло. А что, собственно, нервничать? Угрозы для жизни нет, смешно даже...

Поговорив немного с бароном и остальными, ждущими представления коронованной особе, я отправился в обход зала, прихватив по дороге бокал с вином темно-рубинового цвета. А что, удобно: и руки заняты, и создается видимость, что ты не просто бродишь, но двигаешься куда-то целенаправленно.

Слава богу, здесь нет необходимости следовать только по периметру залов, что принято при посещении балов в присутствии правящих особ на Земле. Единственное ограничение – нельзя слишком приближаться к императорской свите, если сам к ней не принадлежишь. Короче, держи дистанцию да спиной не поворачивайся, и все тут.

Императорский дворец – по крайней мере, в той его части, где проходил бал, – представлял собой несколько помещений, разделенных между собой весьма условно. Кое-где границей служили несколько колонн, где-то барьер из цветов, растущих в огромных вазонах, а зал, в котором преобладала почтенного возраста аристократия, возвышался над общим уровнем на пару ступеней. И акустика была решена очень интересно: танцевальный зал, где играл оркестр и кружились пары, находился в центре, но звуки музыки никому не мешали: стоило отойти на несколько шагов, как они становились едва слышными.

Роскошь убранства залов тоже впечатляла, но наибольшее впечатление на меня производило обилие красивых девушек и женщин. Сверкание драгоценностей и белоснежные улыбки, вечерние платья и захватывающие дух женские фигуры – как же много их здесь собралось, и почти все красавицы! Стоит лишь немного присмотреться, как голова идет кругом. Да уж, Артуа, только ради этого стоило явиться сюда. Глядишь, и я смогу покорить сердце одной из красавиц обаянием, интеллектом и скупой красотой своего лица.

Скоро закончится официальная часть, и мы вплотную займемся этим вопросом. Здесь, конечно, не Франция времен рассвета куртуазности, но и не средневековая Испания с ее пуританской моралью.

Все, обход можно заканчивать – возможные цели для атаки наметим потом. Кстати, после представления императрице на нас обратят внимание, и познакомиться с каким-нибудь очаровательным созданием будет значительно проще.

Обведя еще раз взглядом зал, я решительно отправился к Коллайну и тут увидел Ее.

Она стояла ко мне вполоборота и с улыбкой разговаривала с одним из окружавших ее молодых людей. Стройная хрупкая фигурка, волосы редкого, пепельно-русого цвета, уложенные в затейливую прическу, в изящной ручке – небольшой веер. Совсем еще молода, не больше восемнадцати. Вечернее платье с открытой спиной и декольте, кстати, довольно скромным. Чуть пухлые губы и милый носик. Внезапно она повернула голову, и мы встретились взглядами. Глаза ярко-изумрудного цвета, нежный овал лица...

Я поспешно поклонился, чувствуя, как мое сердце, мгновением раньше взлетевшее на небывалые высоты, со всего маху грохнулось о мраморный пол. На голове у нее была корона – маленькая такая, как у сказочных принцесс, и это означало только одно – передо мной не кто иной, как ее императорское величество Янианна I.

Не помню, как я дошел до Анри, на ходу вспомнив, что бокал с вином все еще у меня в руках. Отпил из него глоток и сморщился: не терплю мускатное вино с привкусом корицы.

Да уж, какая девушка! Неправ был человек, утверждавший, что нет в мире совершенства. Просто он ее не видел, и только это его извиняет. Я снова отпил глоток, снова сморщился и поспешно поставил бокал на столик, стоявший около одной из колонн. Господи, ну как же меня угораздило заявиться сюда и что мне теперь делать? Девушка, о которой я мечтал всю жизнь и которая только иногда приходила ко мне во сне, оказалась императрицей, да еще и моложе меня почти в два раза. Я стукнул кулаком в мраморную колонну, совсем не почувствовав боли. Все – больше никогда сюда не приду. Завтра у меня будет столько дел, что даже о себе вспомнить будет некогда, а потом мы отправимся в Энейские горы, и это займет месяца три как минимум. За это время я постараюсь забыть ее, я просто обязан сделать это.

Есть, конечно, и другой вариант – бывать в императорском дворце как можно чаще, постараться попасть в ее окружение, исподтишка любоваться ее красотой, смеяться ее шуткам, самому шутить, привлекая ее внимание и ловя ее мимолетные взгляды. А по ночам заниматься любовью со случайными подружками и представлять на их месте...

Нет, я не такой. Никто меня здесь больше не увидит – во всяком случае, ближайшие пару лет. А потом... Потом я, наверное, научусь смотреть на нее спокойно, без бешеного стука сердца.

– Артуа, да что с тобой? – спросил меня с беспокойством в голосе Коллайн.

– Я? Со мной? С чего ты взял?

А что еще делать, когда совершенно не знаешь, что говорить, кроме как отвечать вопросом на вопрос. Анри покачал головой, но больше не сказал ничего.

Я был представлен императрице третьим, после графа фер Стянуа и графа Анри Дюбена, прибывших на бал еще позже меня. Оба графа были уже знакомы с Янианной и даже о чем-то с ней поговорили, после чего наступила моя очередь.

Вблизи Янианна оказалась еще прекрасней, хотя куда уж больше. На ее вопросы отвечал односложно – да, ваше императорское величество, нет, ваше императорское величество, я тоже так думаю, ваше императорское величество. Я с трудом воспринимал, о чем она говорила и спрашивала, единственное, что меня заботило – чтобы со стороны было не слишком заметно, как я любуюсь чертами ее лица. Эта челка почти до самых глаз, эта прядка волос возле прелестного ушка, это плавное движение рукой... Господи, все, что говорили о необычайной красоте императрицы, оказалось правдой, вернее – полуправдой, поскольку такое невозможно описать словами, а можно только увидеть и почувствовать.

Когда она наконец меня отпустила, мне показалось, что в ее глазах промелькнуло легкое разочарование, но я был совершенно не в состоянии улавливать такие нюансы. Уходя, я услышал довольно ехидный девичий голосок, который произнес что-то типа – ну вот, еще один.

Я подошел к группе офицеров, соратников по Кайденскому ущелью, среди которых был и граф фер Стянуа, который дружески хлопнул меня по плечу:

– Не вы первый, не вы последний, Артуа. Красота нашей императрицы достойна того, чтобы в нее влюблялись все без исключения, кто хоть раз видел ее и хоть немного чувствует себя мужчиной. Выпейте вина – для нас, мужчин, это лучшее лекарство от всех недугов! – С этими словами граф вложил мне в руку наполненный бокал. – По моему глубокому убеждению, такое чувство, как любовь, тоже принадлежит к числу недугов, хотя и не телесных. Уж поверьте мне на слово, дорогой де Койн. Кстати, барон Коллайн рассказывал мне, что у вас

имеется восхитительное средство против наших мужских проблем, не очень изысканное, но очень действенное...

«Это он про корешки, что ли? – успел подумать я. – Так это вроде не ко мне»...

Один из моих наемников, Шлон Брокон, перед нашей безумной атакой на лагерь вайхов уверял, что корешки обостряют ночное зрение. Но оказалось, что у них имеется мощный побочный эффект, сравнимый разве что с виагрой моего прежнего мира. Но факт остается фактом: они здорово нам помогли в ночной атаке. Правда, Шлон вроде бы говорил, что эти корешки у него закончились...

А граф между тем продолжал:

– Барон Коллайн сказал мне, как это средство называется... – Стянуа чуть сморщил лоб. – Ага, вспомнил: по-моему, бренди.

Так вот о чем вы, граф. Ну мы вам устроим дегустацию этого лекарства...

В этом мире не существовало крепких горячительных напитков, их еще не успели придумать. Сам я, отправляясь в поход за золотом, перегнал вино в спирт только для того, чтобы получить антисептик на предмет врачевания ранений. Но случилось так, что за время похода мой самодельный бренди приобрел нескольких горячих поклонников, среди которых оказался и барон Анри Коллайн...

Я сделал глоток вина. Ну что же за день сегодня такой? Опять мускат и корица. Подошли Дьюбен с Коллайном, завязался общий разговор, в котором мне тоже пришлось принимать участие. Наверное, я не очень в него вписывался, поскольку Коллайн стал недоуменно на меня поглядывать. Барон вообще выглядел воплощением счастья – как же, представлен самой императрице и даже ручку ей поцеловал. Я тоже удостоился такой чести, но мне этого мало, и потому уеду домой, где так много прихваченного из Стенборо лекарства от всех мужских проблем.

Выйдя через огромные двери, предупредительно открытые лакеями в расшитых золотом livreaх, я зашагал, углубленный в свои думы. Пройдя некоторое расстояние, опомнился и начал недоуменно оглядываться по сторонам. Это явно не та дорога, по которой я прибыл во дворец. Перед фасадом дворца – огромные цветники правильных геометрических форм, а здесь...

Первое впечатление, что я попал в чащобу первозданного леса. Но нет, под ногами выложенная каменными плитками дорожка, местами проглядывают сквозь зелень листвы столбы с зажженными фонарями, через весело журчащий ручеек перекинут мостик с ажурными перилами. И все же буйная растительность иногда смыкается над головой, образуя нерукотворные арки. Полянки, заросшие цветами, переходят в заросли кустарника, благоухающего неведомыми ароматами, небольшой водопад, от которого приятно веет свежестью, и снова почти джунгли... Я шел и любовался творением садовника, гений которого умудрился создать в центре столицы кусочек нетронутой природы. Фонари, разбросанные по известному лишь создателю этого сада плану, то освещали участки парка так, что хоть иголки собирать, то создавали таинственный полумрак, а то и вовсе делали темноту непроглядной. На одном из поворотов аллеи я и столкнулся с императрицей Янианной, которая шла под руку с каким-то белокурым красавчиком и весело с ним разговаривала.

Сзади, чуть в отдалении, за ними следовали еще несколько пар. Их голоса я услышал давно и заранее отступил в сторону, пропуская процессию. Когда императрица поравнялась со мной, я отвесил глубокий поклон, как того требует придворный этикет. Пара уже прошла мимо, когда Янианна приостановилась и обернулась ко мне, уже успевшему выпрямиться.

– Ведь вы... – Она забавно сморщила носик, очевидно припоминая мое имя. – Барон де Койн?

– Да, ваше императорское величество, – ответил я, снова склоняясь в поклоне.

– И что вы здесь делаете, да еще в одиночестве? – вновь спросила она своим звонким голоском, от которого у меня в душе все затрепетало.

– Любуюсь садом, ваше императорское величество.

Ее спутник наградил меня таким взглядом, за который, не будь здесь столько народу, мог бы оказаться в кустах без пары передних зубов. На слово «идиот» обратишь меньше внимания, чем на такой взгляд.

– Как интересно, – произнесла она, пристально меня разглядывая.

Еще бы неинтересно – посмотреть на дурака, гуляющего почти в полной темноте и любующегося на кусты, вместо того чтобы веселиться на императорском балу, кружить головы красавицам и завязывать полезные знакомства. И тут она произнесла слова, которые я меньше всего ожидал от нее услышать:

– Барон, вы не проводите меня немного?

– Почту за честь, ваше императорское величество.

Янианна освободила свою руку и взглянула на меня. Я осторожно приблизился к девушке, все еще не веря в происходящее. Поддерживая ее локоть самыми кончиками пальцев, я осторожно шествовал рядом с ней, пытаюсь сказать что-то очень умное, многозначительное или, по крайней мере, очень смешное. Но получалось у меня из рук вон плохо – вернее, вообще ничего не получалось. Янианна искоса взглянула на меня пару раз, как бы приглашая – ну же, блесните эрудицией, чувством юмора или еще чем-нибудь. Мысли лихорадочно крутились в голове, но я ничего не мог придумать. Все заготовки для подобных случаев я отмел сразу: не хочу, только не с ней. Лучше бы прямо сейчас из кустов выскочили несколько человек в темных масках, и я рубился бы с ними на шпагах, нанизывая одного противника за другим, пока сам бы не был сражен подлым ударом прямо у нее на глазах. Вот такая чушь лезла мне в голову, и от этого становилось еще хуже. Да и какая, к дьяволу, шпага? Присутствовать на императорском балу с оружием – это особая привилегия, которой у меня нет.

Наконец по прошествии нескольких секунд, показавшихся мне вечностью, Янианна сама спросила меня:

– Скажите, барон, а как вы вообще сюда попали?

Интересный вопрос. Не думаю, что сад – это закрытая территория, иначе меня остановили бы еще на входе. Значит, ее интересует, не пришел ли я сюда с дамой, с которой потом расстался по какой-то причине.

– Случайно, ваше императорское величество. Вероятно, я перепутал двери.

– Перепутали двери? Куда же вы, барон, направлялись в таком случае?

– Я хотел сесть в карету и поехать домой, ваше императорское величество.

– Вам не понравился мой бал? И перестаньте меня так называть, не то вывихнете себе язык, и мне придется вас покинуть! – Девушка рассмеялась своей шутке, затем продолжила: – Зовите меня... леди Янианна.

– Хорошо, леди Янианна. Ваш бал и сам дворец великолепны, я никогда ничего подобного не видел. Просто у меня внезапно разболелась голова.

– Знаете, барон, наш род Крондейлов издревле славился тем, что мы всегда можем отличить правду от вымысла. И сейчас я ясно вижу, что вы меня обманываете. Так что же является истинной причиной вашего внезапного бегства?

Ты хочешь знать правду, солнышко? Пожалуйста.

– Вы, леди Янианна.

– Я показала вам такой страшной, что, увидев меня, вы испугались и решили спастись бегством?

– Нет, все как раз наоборот.

Добившись того, чего хотела, девушка внезапно сменила тему:

– И чем же вам так понравился мой сад, барон, что вы позабыли про все на свете?

Наконец-то прозвучал вопрос, не касающийся меня лично, и я поделился своим восхищением от увиденного, предположив, что и при дневном свете очарование сада не пропадает, а наоборот, открываются неразличимые в полумраке нюансы.

– Это мама настояла. Отцу больше по душе были строгие геометрические линии, он вообще во всем любил порядок, – произнесла девушка задумчиво, с легкой грустью. – Барон, теперь, когда язык у вас развязался, расскажите мне о своем походе. Говорят, вы привезли из него целое состояние, и у вас было много приключений. Кстати, леди Элоиза мне о вас все уши прожужжала – барон де Койн такой герой, такой интересный рассказчик!

Элоиза – дочь герцога Вандерера. Однажды, возвращаясь в столицу, я стал свидетелем нападения бандитов на карету, в которой ехала девушка. Мне удалось ее спасти. А чуть позже случилось так, что сам герцог захотел отблагодарить меня за одно его письмо... Хотя об этом я уже рассказывал – в результате в мою собственность перешло имение Стенборо. После всех этих событий я стал бывать в доме герцога запросто, и меня всегда были рады там видеть. Особенно это относилось к Элоизе. Но сердцу не прикажешь...

А Янианна продолжала:

– Сегодня, когда вы вошли, граф Гренингер сказал – посмотрите на этого человека в необычном платье. У него такая походка, будто он хозяин этого дворца, а мы все у него в гостях. Тогда леди Элоиза даже запрыгала от восторга: это он, тот самый барон Артуа де Койн, я вам про него рассказывала, – передразнила Янианна бедную девочку. – Действительно, откуда у вас такая походка?

Я пожал плечами: что тут скажешь? Помню, еще в школе одноклассники шутили – опаздываешь на урок, аходишь в класс как директор школы... Может быть, это от комплекса неполноценности, которым я тогда страдал из-за своей худобы. А потом однажды решил, что лучше уж мания величия, чем этот самый комплекс.

– Барон, а ведь я вас видела раньше! Это было, – Янианна посчитала что-то на пальчиках, – примерно два года назад. Мы тогда поехали в загородный дворец, что в Сустойлер. Вставать пришлось рано, все не выспались, а тут еще что-то случилось с мостом, и мы целый час простояли, дожидаясь, пока его починят. Все развлекались тем, что смотрели в окно кареты, и кто-то – по-моему, герцог Ирленский – сказал: обратите внимание на того человека в смешном нелепом платье, у него такая походка, будто он хозяин всего на свете. Да, я хорошо помню, там еще была старушка возле дерева, и вы ей что-то дали. Она долго благодарила и кланялась вам вслед.

Я хорошо помнил это утро и эту старушку, а вот никаких карет там не видел, хоть убей.

– Вовсе мое платье не было смешным или нелепым, я отдал за него целый золотой, а у меня оставалось их всего три, – возмутился я.

– Так это все-таки были вы! У меня хорошая память, недаром ваша походка мне что-то напомнила. Мне всегда интересно было, что же вы тогда ей дали. Помню, мы тогда даже поспорили и хотели послать слугу, но нищенка уже ушла.

– Я дал ей золотую имперскую крону, леди Янианна.

– Позвольте, барон, вы сказали, что у вас оставалось всего три золотые монеты. Одну вы отдали за платье – получается, нищенке отдали половину того, что у вас оставалось?

– Не совсем так, леди Янианна, у меня еще оставалось серебро. И потом, эта бедная женщина не выглядела профессиональной нищенкой – скорее нужда ее заставила просить милостыню. И просила не для себя, у нее тяжело болел внук, деньги нужны были для лечения.

– А если она вас обманула?

– А если она сказала правду? Золотая имперская корона – деньги немалые даже для столицы, и надеюсь, что этих денег ей хватило, чтобы спасти внуку жизнь. Для меня же они погоды не делали – все равно рано или поздно закончились бы. Но я, в отличие от нее, молод и здоров...

Через темно-синее звездное небо пронеслась огненная полоса – очередной метеорит сгорел в атмосфере. Здесь вообще их значительно больше, и падают они круглый год.

– Красиво, – произнесли мы в голос, и даже несколько смутились оттого, что так получилось.

Потом мы гуляли по саду, и я рассказывал о нашем походе. Девушка переживала, когда речь шла о схватках, весело смеялась, когда я рассказывал о наивности Проухва и других забавных моментах. А я старался не смотреть на нее, потому что у меня каждый раз перехватывало дыхание и терялась мысль.

Наверное, дворцовая жизнь не так богата событиями, поскольку такого внимательного слушателя у меня не было уже давно. Несколько раз нам на глаза попадался тот блондинистый тип, вероятно пытавшийся привлечь внимание императрицы. Но Янианна не замечала его или просто не обращала внимания.

Когда речь дошла до золота, которое мы обнаружили в каньоне, я вынул из кармана небольшой самородок – граммов на тридцать, не больше. Но природа, видимо, решила немного пошутить, выполнив его в виде сердечка. Не настоящего, конечно, с обрубками артерий, а как его изображают на валентинках. Я специально захватил его, чтобы подарить при случае какой-нибудь девушке, с которой мечтал познакомиться на балу. Но чтобы самой императрице...

– Как интересно, – сказала она, вертя самородок при свете фонаря, светившего нежно-голубым цветом. – Вы его действительно таким нашли?

Я поклялся всем, что мне свято, и попросил оставить его себе, если он хоть чуть-чуть ее заинтересовал. Сердечко было благосклонно принято, но я не стал делать никаких параллелей между ним и своим собственным – в моем положении это выглядело бы глупо.

– Скажите, барон, а что это у вас был за случай с кочергой вместо шпаги? – спросила Янианна как бы между прочим, улучив момент, когда я набрал полную грудь воздуха, чтобы повествовать дальше.

«Все, я пропал», – пронеслось в голове. Легко бравировать, когда до ответа далеко, а вот сейчас...

Однажды я, вызвав графа Макрудера на дуэль – этот мерзавец был мне знаком еще по Кайденскому ущелью, – ляпнул, что побью его кочергой. И действительно побил, причем при свидетелях, заимев тем самым смертельного врага. Я всерьез подозревал, что ночное нападение на мое поместье, случившееся вскоре после моего возвращения из похода за золотом, – дело его рук... Мало того что я побил его кочергой, так еще и сломал его шпагу, что в Империи дозволено только императору, ведь так лишают дворянства... По всем статьям я получаюсь преступником...

Императрица вновь весело рассмеялась, увидев выражение моего лица.

– Не переживайте, де Койн, за вас уже просили люди, да я и сама не очень сердилась по этому поводу... – И чисто по-женски перескочила на другую тему: – Какой наряд у вас интересный, необычный! Есть в нем что-то этакое... Не сомневаюсь, что вскоре у вас найдутся подражатели. При дворе любят что-нибудь новенькое.

Мой камзол больше всего походил на сюртук российского морского офицера начала прошлого века и стоил мне немало нервов и золота. Портной сначала пришел в тихий ужас, когда я объяснил, чего хочу. Потом смирился, но мне пришлось заглядывать в мастерскую чуть ли не каждый день, чтобы он все не переиначил. Портной намеревался покрыть серебряным шитьем всю площадь, свободную от золотого, мы даже яростно поспорили по этому поводу. Слава богу, есть такое волшебное слово – компромисс. Когда я надел его готовым, портной вначале даже открыл рот, чтобы произнести что-то ехидное, потом присмотрелся и задумчиво произнес:

– А что, очень даже ничего. Вот только бы еще шитья чуть добавить... – Но, заметив выражение моего лица, торопливо добавил: – Впрочем, и так хорошо.

– Мне очень приятно, леди Янианна, что вы обратили внимание на мой сюртук.

– Он вам к лицу, барон. А как вы находите мое платье? – И она легко крутнулась на месте, взметнув подол колоколом, но, к сожалению, ничего, кроме носков изящных туфельек, не показав.

– Леди Янианна, вы из тех женщин, на которых любое, даже самое простое, платье кажется произведением искусства. Хотя один мой знакомый, человек знающий, утверждает, что любое женское платье лучше всего смотрится на спинке стула, – ляпнул я и до боли прикусил язык: тоже мне звезда политеса!

Но девушка оценила шутку, весело рассмеявшись.

– А вы смелый человек, де Койн. Скажите, ведь смелый?

– Ну что вы, ваше императорское величество. Зря вы так думаете. Я и сейчас очень боюсь.

– Вы боитесь? Здесь, в моем саду? – искренне удивилась она.

– Да, леди Янианна.

– И чего же здесь можно бояться?

– Боюсь, что сплю и мне снится, что я вот так, запросто, разговариваю с самой красивой девушкой на свете, к тому же еще и императрицей.

– Ну в том, что это не сон, вы сейчас легко убедитесь. – Девушка ловко ущипнула меня за запястье.

Я невозмутимо достал платок и начал тщательно перевязывать руку.

– Что это вы делаете? – удивилась она.

– Ну как же, меня ущипнула сама императрица Янианна Первая. Я теперь буду беречь это место, чтобы потом показывать его сначала детям, а потом и внукам. Но мне, конечно, никто не поверит, – с тяжелым вздохом закончил я.

– Не утруждайте себя, барон, – вновь рассмеялась девушка. – Поверьте, мне это совсем ничего не стоит, и я всегда смогу обновить объект вашей гордости.

Я уж было совсем открыл рот – мол, что не стоит этого делать, иначе сердце мое может не выдержать и разорвется от счастья. Но сказать не успел, потому что из зарослей кустарника выскочило огромное черное чудовище и гигантскими прыжками бросилось к нам.

Вернее, бросилось к девушке, которая стояла к нему боком и потому никак не среагировала.

Господи, ну почему именно сейчас у меня нет при себе никакого оружия? Да и не помогло бы оно, просто не успел бы извлечь...

Схватив девушку в охапку, я крепко прижал ее к себе, поворачиваясь к монстру спиной и ожидая страшного удара сзади.

Но удара не случилось. Вместо этого я почувствовал на своей руке что-то теплое, мягкое и влажное. Осторожно скосив глаза, я увидел практически на уровне своего лица огромную собачью морду с высунутым языком и обрывком цепи на могучей шее.

Чудовищных размеров, вся покрытая черной лохматой шерстью, собака сидела на толстой заднице и бешено виляла хвостом.

Я осторожно поставил девушку на ноги, чувствуя, что катастрофически краснею, прямо весь горю от стыда. Артуа, да ты настоящий герой – принять за чудовище обыкновенную собаку, да еще так сжать девушку, что у нее, вероятно, все косточки хрустнули.

– Извините, ваше императорское величество, я...

– Это же Бобс, барон, самое доброе и милое существо в мире, – сказала девушка, оправляя платье. – Бобс, – позвала она его.

Пес завилял хвостом еще быстрее, жарко дыша огромной пастью.

– А ведь вы не за себя испугались, барон. Так ведь?

Я, продолжая полыхать, кивнул. Из тех же кустов вынырнул слуга с поводком в руках, забрал Бобса и опять скрылся как привидение.

– И что же вы собирались делать с чудовищем? – Слава богу, издевки в ее тоне я не услышал, лишь любопытство.

– Я бы постарался его задержать, леди Янианна, чтобы вы смогли убежать. В саду много людей, они непременно бы помогли, – посвятил я ее в свои планы.

– А зачем вы носите кирасу под одеждой?

От удивления у меня отвисла челюсть.

– Какая кираса? У меня нет никакой кирасы.

Не доверяя моим словам, Янианна ткнула мне пальцем в грудную мышцу, которую я инстинктивно напряг.

– И верно, нет. Когда вы меня спасали от монстра, то так прижали к себе, что мне показалось, что у вас железо под одеждой. – Ее напоминание о моем позоре заставило меня снова залиться краской.

Видя мою реакцию, девушка продолжила:

– Да не переживайте вы так. По крайней мере, вы первый мужчина, который повел себя таким образом, в отличие от... – Она замолчала, видимо почувствовав, что сказала лишнее.

Я с подозрением посмотрел на нее. Теперь понятна причина ее поведения: пса она должна была видеть – хотя бы краем глаза. Это похоже на испытание. Гуляет она с кавалером, тот рассказывает, какой он мужественный... Не все из нас герои, я и сам не из таких. Жестоко, конечно, но не мне ее судить.

Догадавшись, что я все понял, она продолжила:

– Сегодня это произошло совершенно случайно, поверьте. Но в любом случае, барон, вы вели себя очень достойно. – Это звучало как утешение.

Я улыбнулся, представив возможную картину.

– Чему вы там смеетесь? – с подозрением спросила императрица.

– Мне подумалось, что вполне возможно, кто-то не смог удержать звуки, недопустимые в присутствии дамы.

Янианна весело рассмеялась, подтверждая мои догадки.

– Представляете, мой кавалер убеждал меня в вечной любви, клялся, что готов ради меня на любые подвиги, обещал с небес звезду достать и бросить к моим ногам, а сам... И не судите меня слишком строго, это было так давно, мои мама и папа были еще живы. То, что позволено принцессе, императрице не подобает. Сегодня действительно это произошло случайно. Кстати, а вот вы, барон, почему мне звезд с небес не обещаете?

– При всем моем желании, леди Янианна, я просто не в состоянии этого сделать.

– Это почему еще?

И что тут прикажете делать? Объяснять устройство Вселенной? А с другой стороны – почему бы и нет? По крайней мере, о Бобсе забуду и о своем позоре. И я начал рассказывать, постепенно увлекаясь, время от времени поглядывая на Янианну, чтобы видеть ее реакцию. Девушка слушала заинтересованно, тема ее увлекла. Присев на удобную скамейку, больше похожую на диван с кожаной обивкой, она предложила расположиться рядом. Я, сама скромность, примостился на самом краешке.

– Не все небесные тела являются звездами, леди Янианна, и это легко определить. Звезды мерцают, а планеты светят ровно, вы только приглядитесь внимательно...

И меня понесло. Планета с ее атмосферой, ледяной безвоздушный Космос, миллиарды и миллиарды лиг между светилами, движение по орбитам, метеориты, сгорающие по пути к земле...

Янианна слушала очень внимательно, даже заворуженно, а я продолжал:

– Представляете, некоторые из тех звезд, что мы видим перед собой, – я указал рукой на небосвод, – погасли миллионы лет назад. Но их свет, а самое быстрое, что мы можем предста-

вить, – это скорость света, продолжает нам светить. И будет светить нашим внукам и правнукам, и их внукам и правнукам, и еще очень, очень долго.

Я снова взглянул на девушку.

– Но не все так грустно, леди Янианна. Вполне возможно, что на одной из планет, что мы видим перед собой, тоже существует жизнь. Может быть, они совсем не похожи на нас, у них зеленая кожа, огромные уши и нет носа или вместо носа щупальце – это неважно. Важно то, что они тоже любят, страдают, хотят чего-нибудь добиться. Только представьте себе, что именно сейчас вон на той или на той планете сидят на скамеечке влюбленные... – Тут я чуть было не ляпнул «как мы», но вовремя спохватился: – И тоже смотрят на звездное небо, гадая, одиноки ли они во Вселенной.

Янианна еще некоторое время смотрела на звездное небо, затем легко поднялась.

– Пойдемте, барон, здесь недалеко.

Буквально за следующим поворотом аллеи девушка раздвинула руками ветки цветущей сирени и шагнула в сторону. Там оказалась выложенная каменными плитками дорожка, ведущая к ловко скрытой в зарослях беседке. Она была немалых размеров, посередине стоял стол, на котором расположились с полдюжины бутылок вина, вазы с фруктами, какими-то лакомствами и бокалы ажурного стекла. По периметру стояло несколько кресел, присутствовала даже оттоманка, и не одна.

– Это моя беседка, сюда без приглашения никто не придет.

Значит, такая беседка в саду не одна. Ну что ж, практично в некоторых смыслах.

Императрица присела на кресло, стоящее во главе стола, жестом пригласила присоединиться к ней и попросила налить ей вина. Я налил ей и с удовольствием выпил сам – в горле пересохло. От волнения, что ли?

– Скажите, Артуа, теперь, когда вы обладаете целым состоянием, каковы ваши дальнейшие планы? Если это, конечно, не страшный секрет...

Ну не такое уж большое состояние – смотря с кем сравнивать. А вот то, что она назвала меня по имени, радует бесконечно.

– Ну что вы, леди Янианна, какие могут быть у меня секреты от вас? Я серьезно намерен заняться производством, и для этого теперь у меня есть все необходимое – средства, знания и идеи. Сейчас мне нужно лишь немного времени, чтобы развернуться как следует.

– А что вы скажете о леди Элоизе?

– Интересная девушка, красивая, веселая, с хорошим характером.

– Вы замечали, что она от вас без ума?

Это трудно не заметить, и я кивнул в ответ.

– Так почему бы вам не взять ее замуж?

Милая девочка, рано еще в твоём возрасте свахой-то быть. Вслух же сказал первое, что пришло на ум:

– Я много старше ее.

– Ну и что? Моя мама была младше папы на двадцать лет, и они любили друг друга до самой смерти.

Папа успел славно погулять до женитьбы: насколько я помню, это был первый его брак.

– Леди Янианна, Элоиза замечательная девушка, но... Наверное, просто она не моя половинка.

– Половинка? Какая половинка?

Вот же допрос с пристрастием! Но отвечать надо.

– Вы знаете, на моей родине есть такая легенда. Когда-то, очень давно, Создатель разделил людей на две половинки. С тех пор ходят они по свету и ищут свою вторую половинку. Некоторым это удается быстро, у других поиски затягиваются на всю жизнь.

– Никогда не слышала о такой легенде. А как определить, что именно этот человек является твоей половинкой?

– Не нужно никак определять, леди Янианна, сердце само подскажет. Возьмет этот человек вас за руку или даже случайно прикоснется, и сердце сразу подскажет – вот он.

– Неужели это так легко?

– Если бы. Случается, что и сердце ошибается. Проживут такие люди вместе двадцать лет, а однажды проснутся и поймут, что они абсолютно чужие друг другу люди. А ведь жизнь уже прожита, можно сказать.

Мы немного помолчали. Возможно, девушка думала о прикосновениях и что она при этом испытывала, а может, о чем-то другом.

На далекой городской ратуше часы пробили полночь.

«Сейчас карета превратится в тыкву», – уныло подумал я.

– О чем вы? Какая карета, какая тыква? – недоуменно спросила лучшая из девушек этой Вселенной.

Видимо, я все же подумал вслух.

– Есть такая сказка, леди Янианна...

Золушку я назвал Синдереллой – так звучало лучше, чем Копающаяся в золе. И рассказал сказку о бедной Золушке, ее злой мачехе, стервах сводных сестрах, слизныке отце, королевском бале и потерянной хрустальной туфельке. Янианна слушала внимательно, положив подбородок на сжатые в кулачки руки.

– А что было потом? – спросила девушка, когда я закончил.

– Потом они жили долго и счастливо и умерли в один день.

– И умерли в один день, – эхом повторила она.

Вот же черт, опять я напомнил ей о гибели родителей, а она их очень любила.

– Кстати насчет бала, барон. Почему вы не танцуете? Не любите танцы?

Я постарался объяснить, что мне нравятся не сами танцы, а возможность потанцевать с приглянувшейся девушкой.

Янианна посмотрела на меня, о чем-то подумала, затем сказала:

– Ну поскольку, барон, вы спасли меня от ужасного чудовища, в благодарность за это я подарю вам один танец. Как я вижу, сами вы его попросить не отважитесь.

Господи, да я даже дышать в твою сторону боюсь, – настолько ты прекрасна.

Сейчас передо мной находилась девушка изумительной красоты, таких в природе вообще не должно существовать – иначе как же тогда смотреть на остальных женщин...

Вероятно, Янианна иногда ловила такие мои взгляды, хотя я тщательно пытался их скрыть, и это очень забавляло ее.

Некоторые ее вопросы заставляли меня врасплох, поскольку я даже не слышал их, совершенно незаметно для себя вновь и вновь любясь самым совершенным в мире созданием. Невозможно объяснить словами, как был прекрасен каждый ее жест, даже когда она легким движением руки поправляла непослушную прядку волос или просто переставляла бокал.

Ситуация явно забавляла Янианну, и, когда я, смущаясь, просил повторить вопрос, она весело смеялась. Все это, несомненно, было для нее привычным – не могу представить себе мужчину, которого она могла бы оставить равнодушным.

И тогда у меня возникла идея, настолько безумная, что даже дух перехватило.

– Ваше величество, леди Янианна. Может, в таком случае, это будет новый танец?

– Новый танец? И что же он собой такое представляет?

– Танец называется вальсом, и он словно создан для вас, клянусь всем, что мне свято. Он очень красивый, и я просто уверен, что, после того как вы его покажете, весь двор только и будет его танцевать.

Кажется, я порядком заинтриговал красавицу-императрицу.

– И что же он из себя представляет? Очень надеюсь, что этот танец не нанесет урона моей чести.

– Нет, что вы. Разве мне могло бы прийти в голову нечто подобное? На моей далекой родине он очень популярен в высоких кругах. Собственно, для этого он и создавался.

Я напел мотив знаменитого вальса Штрауса-сына «На прекрасном голубом Дунае». Императрица все еще колебалась, но я сумел ее убедить. И вот здесь встала маленькая проблема.

– Леди Янианна, удобно ли мне будет положить свою руку вам на талию?

– Это еще зачем? – слегка нахмурила брови девушка.

– Ну мы должны встать в соответствующую позицию.

После секундного колебания Янианна согласилась.

– Хорошо, Артуа, тем более что сегодня вы уже сделали это и без моего согласия, – сказала она, немало смутив меня.

Янианна встала и посмотрела на меня в ожидании. Ростом императрица едва достигала моего подбородка, но при этом у меня все время складывалось впечатление, что мне приходится поднимать голову, чтобы посмотреть на нее. Я подошел к ней вплотную, не решаясь прикоснуться. Янианна смотрела на меня смеющимися глазами – дескать, смелее, барон, клянусь Богом, я живая, а не то, что вы себе придумали...

– Это совсем несложно. Вот смотрите, мы делаем вот так. И раз-два-три, раз-два-три... У вас прекрасно получается, леди Янианна.

Мы покружили немного вокруг стола, благо размеры беседки позволяли это сделать. У нее действительно получалось отлично. Еще бы – с будущей императрицей с детства занимались лучшие педагоги, в том числе и танцами, входившими в курс обучения благородных девиц.

Танец девушке определенно понравился, и все же некоторое время она раздумывала: не каждый день в ее жизни появлялся невесть кто, предлагающий невесть что. Но мне удалось убедить ее, и она решилась. Теперь оставалось сделать то, без чего наш танец не мог бы состояться, – музыку, а для этого необходимо было обратиться к музыкантам.

Глава 2

Сказки Венского леса

К счастью, музыканты находились в своей комнате для отдыха. Я вошел в нее и огляделся по сторонам. Взгляды, которыми меня они встретили, по большей части были настороженными – как же, ввалился один из благородных, и неизвестно, что ему нужно. Что ж, может быть, это поможет нам быстрее найти общий язык? Я положил на огромный барабан несколько золотых монет. Вот теперь в их глазах читался некий интерес, разбавленный известной долей скептицизма.

Понять их можно: является некий тип в необычного покроя одежде, явно в возбужденном состоянии – сейчас начнет что-то требовать, поскольку просить такие посетители попросту не умеют. Но и они не кто-нибудь, а императорский оркестр...

Я вновь обвел взглядом музыкантов. Явно, что этот пожилой, с всклокоченной шевелюрой человек является у них капельмейстером, к нему и следует обращаться.

– Господа музыканты! – Обращение как будто бы ко всем, но смотрел я на капельмейстера. – Я хочу обратиться с просьбой, которая, вполне возможно, покажется вам необычной. Ее величество императрица подарила мне один танец.

Капельмейстер спрятал улыбку в пышные усы: вы не по адресу, если решили похвастать. Я продолжил:

– Но это необычный танец. Вернее, танец обычный, но незнакомый в этих местах, так же как и музыка, его сопровождающая.

Некоторое шевеление, легкий интерес. В императорском оркестре играют лучшие музыканты, и их трудно удивить чем-либо новым, ведь чтобы и дальше считаться лучшими, им необходимо постоянно обновлять репертуар.

Наконец я нашел глазами то, что искал. Взяв в руки скрипку, погладил по деке кончиками пальцев, как добрую старую знакомую, которую очень давно не видел. А ведь было время, когда я ее ненавидел до нервной дрожи.

– Господа музыканты, сейчас я попробую объяснить то, чего хочу от вас. Прошу заранее извинить за недостатки исполнения – маловато практики. Пару минут, буквально.

Музыканты продолжали следить за моими манипуляциями, все еще не придя к общему мнению, кто перед ними – эксцентричный тип, человек, немного не поладивший с собственной головой, или действительно предстоит услышать нечто новое и незнакомое.

Наконец мне удалось исполнить мелодию, хоть и не с первого раза.

– Вот такая музыка. Очень хочется, чтобы вы мне помогли. Если дело только в этом, – я показал смычком на монеты, все еще лежащие на барабане, – то за деньгами дело не станет. Помогите мне, и я ваш вечный должник.

Я с тревогой оглядел их уже в который раз: ведь если они не смогут или не захотят – все пропало, мне никогда не оправдаться перед Янианной. Черт с ним, что она императрица, но оказаться в глазах такой девушки болтуном, который не отвечает за свои слова...

– Если вас не затруднит, пожалуйста, исполните эту музыку еще раз, – попросил капельмейстер.

Я выполнил его просьбу, и на этот раз у меня получилось вполне прилично. Сейчас они слушали очень внимательно, и все по-разному. Кто-то перебирал невидимые струны, кто-то слушал, откинувшись и прикрыв глаза, а кто и вовсе напевал мелодию под нос.

Наконец я закончил и вновь с тревогой поглядел на них, в который раз проклиная себя за горячность. Кто тянул меня за язык? Станцевал бы, в конце концов, один из тех танцев,

которые приняты на балах, – они неплохо у меня получались. Что там сложного? Не нижний брейк, да и учительница у меня была прекрасная.

– Эрария, – обратился капельмейстер к худому длинноволосому юноше, безусому, но с пучком бесцветных волос на месте бороды, который и оказался хозяином скрипки, все еще находившейся в моих руках. Юноша согласно кивнул, взял у меня скрипку и заиграл.

Когда он закончил, я пораженно посмотрел на дирижера. Тот пожал плечами, всем своим видом показывая: чай, не на деревенских свадьбах играем. Эрария сыграл блестяще, и я не услышал в его исполнении ни одной ноты фальши.

– Что касается вашей просьбы, господин...

– Де Койн.

– ...господин де Койн. Я думаю, мы справимся. Прекрасная музыка, хотя ничего подобного я не слышал. Мы никогда не играли такого, будет сложно, но и исполнители у меня собрались далеко не самые худшие, уверяю вас. Тем более что это касается ее величества императрицы. Не беспокойтесь, мы справимся.

– Может быть... – Не договорив, я вновь показал на золото.

– Этого хватит. Вообще, если быть справедливым, я сам должен вам денег за эту музыку.

Но понимаете, я не один.

Когда я уже уходил, услышал:

– Как называется этот танец?

– Вальс. Он называется вальсом.

Анри, увидев мою взбудораженность, вопросительно поднял брови – проблемы?

Так же молча, движением головы, я ответил – нет.

Коллайн выглядел не лучше меня, но причины были несколько иные.

Взяв по бокалу игристого, мы присели за одним из столов, которые находились на некоторой возвышенности над общим уровнем пола, и потому отсюда открывался замечательный вид.

– Знаешь, Артуа, у меня были две мечты, и одна из них исполнилась.

– Одна, как я догадался, побывать на императорском балу. А вторая?

– Как-нибудь потом. Сейчас для этого не слишком подходящее время.

Коллайн человек далеко не сентиментальный, но, заметь я сейчас слезы у него на глазах, ничуть бы не удивился. Меня тоже немного ошарашило великолепие дворца, но все-таки мне было проще. Воспитанный в другое время, в другой среде и не слишком признающий авторитеты, я несколько иначе воспринимал многие вещи, в отличие от того же Анри. Ну президент, ну и что – чем он отличается от остальных? Будь у него три ноги или две головы – тогда другое дело. А так – обычный человек, такой же, как остальные, просто у него по-другому жизнь сложилась.

Самым большим шоком для японцев после поражения во Второй мировой войне был не сам факт поражения, а то, что император публично отрекся от своего божественного происхождения и объявил себя таким же простым смертным, как и все. И это было в двадцатом веке.

Мои размышления Коллайн прервал вопросом, прозвучавшим как утверждение:

– Ты куда-то надолго пропадал.

– Я разговаривал с одним человеком.

– И о чем же был такой длинный разговор, если не секрет?

– Ты не поверишь, Анри, но по большей части о звездах. Еще мне пришлось рассказать сказку.

– Дай я догадаюсь сам, о чем эта сказка: о том, как с первого взгляда ты был сражен ее красотой, о том, что не мыслишь дальнейшей жизни без нее, и еще о том, что ты лучший в Империи специалист по лазанью в чужие окна.

Эх ты, так красиво начал и так все опошил в конце. Если бы не окна, то я признал бы в тебе дар читать чужие мысли.

– Нет, барон Анри Коллайн, сказка была самая настоящая. Но о любви, в этом ты прав.

Тут я вспомнил Бобса и почувствовал, что стремительно краснею. От Коллайна этот факт конечно же не ускользнул.

– Ба, дорогой барон, так вы, оказывается, краснеть не разучились? Приятная неожиданность.

– Эх, Коллайн, Коллайн. Для того чтобы ты смог попасть на бал в императорском дворце, мне пришлось тащить тебя через пол-Империи, много раз подвергать опасности твою жизнь, иногда кормить тем, от чего и собаки отвернутся. Еще мне пришлось заставить тебя участвовать в самоубийственной атаке. И что я теперь слышу? Какая черная неблагодарность! Нет чтобы сказать мне как лучшему другу – эти полыхающие щеки так идут вашему пылающему лицу...

– Извините, барон. И все же какая причина заставила полыхать ваши щеки, что, кстати, так идет вашему пылающему лицу?

– Собаки испугался, – пришлось нехотя сознаться мне.

Я испугался, что Коллайн лопнет от смеха. Неимоверных усилий стоило ему остаться за столом.

В этот самый момент подошли фер Стянуа с несколькими офицерами, тоже довольно красные, но от выпитого вина. Граф поинтересовался причиной столь безудержного веселья, и Коллайну за три попытки удалось сообщить, что барон де Койн рассказал ему очень веселую историю. Господам офицерам тоже захотелось ее услышать, и я злорадно заявил, что барон Коллайн эту историю перескажет сразу же, как только придет в себя. Пусть выкручивается как может, а я пошел – музыканты уже занимают свои места.

Императрица появилась еще раньше, в окружении придворных дам, среди которых была и Элоиза. Янианна переменяла платье на более легкое, и по этому признаку я догадался, что танцевать новый танец она не передумала. Девушка нашла меня взглядом, и я склонился в полупоклоне – все хорошо, музыканты готовы.

Наконец музыканты разобрали инструменты, последовала череда звуков, затем наступила тишина, и капельмейстер громким, хорошо поставленным голосом объявил:

– Дамы и господа, ее императорское величество Янианна Первая имеет честь представить вам новый танец, который называется... – Здесь он выдержал паузу, то ли привлекая внимание, то ли забыв название, и наконец произнес: – Валлос.

Хорошо, что не фаллос, хотя кто, кроме меня, это поймет?

Капельмейстер застыл, глядя в мою сторону, и я решительно направился к императрице.

Янианна выглядела чуточку бледновато, в ее глазах читалось: «Вы, барон, сами все затеяли, а отвечать придется мне».

Ничего страшного, солнышко, тебе простят все, что угодно, а что касается меня...

Мне еще легче: меня здесь больше не будет никогда.

– Не волнуйтесь, ваше императорское величество, все будет хорошо, вы просто созданы для этого танца, – повторил я уже сказанные однажды слова.

– Что-то вы сами не выглядите слишком спокойным, – услышал я в ответ, но тут зазвучала музыка, и мы закружились в вальсе.

Первые несколько мгновений девушка держалась чуточку скованно, но затем расслабилась, и мы поплыли по огромному залу в самом прекрасном из танцев. У моей мамы была мечта станцевать вальс со своим сыном на его свадьбе. Но, как говорится, человек предполагает...

Какие музыканты все же молодцы, практически с листа – и так играют! Пусть мелодия немного отличалась, но и в таком исполнении она была прекрасной.

Мы плыли по залу, и я не отрываясь смотрел на Янианну, несколько этим не смущаясь: вальс – это не тот танец, во время которого можно глядеть по сторонам. Мое счастье продолжалось несколько минут, и все это время я любовался красотой ее лица, блеском глаз, точеными плечиками и нежной кожей шеи. Когда музыка умолкла, мы остановились, и несколько мгновений стояла абсолютная тишина.

Потом все бросились к ней, наперебой выкрикивая – ах, какой замечательный танец, ваше величество, как вы замечательно танцевали его, ах, какая божественная музыка и много чего еще в том же самом духе. Янианна, с раздумывавшимся от быстрого танца лицом, принимала поздравления.

Я скромно скользнул за спины окружающих ее людей и решительно направился к выходу. Все, Золушок, время твое вышло, и тебе пора домой, пусть и не в грязную кухню к горшкам и просу. На этот раз я точно не ошибусь дверьми – вот они, со стоящими по обеим их сторонам лакеями. Остановившись на мгновение, я залпом осушил подхваченный на ходу бокал, опасаясь, что снова попадется любимый мускат с корицей. Но на этот раз обошлось.

Когда я уже почти подходил к дверям, меня окружила группа тех же самых офицеров с тем же самым фер Стянуа во главе. Среди них находился и Коллайн, бросающий в мою сторону какие-то непонятные взгляды. Они искренне поздравляли меня – как же, такая честь – кружить по зале с самой ее величеством! Я улыбался, принимал поздравления, а в голове накрепко уселась одна мысль – как бы поскорее отсюда смыться. Наконец мне удалось незаметно избавиться от них, и уже в который раз я решительно направил свои стопы к выходу.

Но и на этот раз мне не повезло, выход опять оказался не тем, который мне требовался. Чертыхнувшись про себя, я огляделся вокруг. Ага, чуть впереди и слева широкая лестница, спускавшаяся вниз в нужном мне направлении.

Спугнув страстно целующуюся парочку, скрывавшуюся в тени одной из колонн, я подошел к лестнице и обнаружил то, что искал, – парадный вход во дворец. Все, мучения мои окончены, сейчас спущусь, пошлю лакея за своей каретой – и домой, домой.

– Господин барон Артуа де Койн, – послышался сзади то ли вопрос, то ли утверждение.

Обернувшись, я увидел лакея в парадной ливрее, настолько раззолоченной, что не каждый провинциальный барон мог бы себе такое позволить. Да и вид у него был надменный, более присущий человеку с высоким положением, чем слуге.

Мне захотелось немедленно сказать ему что-нибудь в духе «Яволь, майн фюрер!». Но я одернул себя: что за ребячество? – и лишь кивнул, подтверждая.

– Господин барон Артуа де Койн, с вами хотят переговорить. Следуйте, пожалуйста, за мной. – Лакей обернулся и начал удаляться, уверенный в том, что я обязательно пойду за ним. Я послушно отправился следом.

Интересно, куда это меня ведут? Ничего в голову не приходит. И допытываться бесполезно – если бы он мог сказать, кто это мной интересуется, уже бы сказал.

Мы прошли по множеству коридоров, поднялись уровнем выше, спустились, затем поднялись снова. Изредка попадались гвардейцы, дежурившие у дверей. Если он хотел меня запутать, то сделал это успешно: я совершенно не представлял, в каком крыле дворца нахожусь и как отсюда выбраться.

Наконец лакей открыл одну из дверей, пропустил меня внутрь, отвесил полупоклон и прикрыл дверь.

Я огляделся – комната нескромных размеров, посередине комнаты сервированный стол, несколько кресел, книжные шкафы, на стенах несколько картин – портреты и натюрморты.

Похоже на то, что мне предстоит сугубо деловая встреча, и слава богу. Я сейчас не в том состоянии, чтобы любезничать с дамами. А вот с кем мне предстоит встретиться – не стоит даже голову ломать, бесполезно. Пройдясь по комнате, я подошел к окну. Третий этаж. Правда, при такой высоте потолков он как минимум на уровне пятого, если не выше.

Из окна виден все тот же сад с редкими фонарями, светившими разными цветами. В стекло бьется шмель, безуспешно пытаясь преодолеть невидимую преграду. Подумав, я помог ему обрести свободу, приоткрыв одну створку и направляя его полет движениями ладони. Лети, мохнатый, – там, в саду, хорошо, да и спать тебе давно уже пора.

Живот требовательно напомнил о себе. Да, Артуа, в который раз ты попадаешь впросак! Пора уже взять в привычку основательно подкрепляться перед подобными мероприятиями. Приоткрыв крышку на одном из блюд, я обнаружил нечто крайне аппетитное на вид и столь же вкусно пахнущее. Решительно положив крышку на место, отошел подальше от соблазна. Хорош я буду, если неведомый хозяин застанет меня в то время, когда я буду набивать себе брюхо без приглашения.

Ждать мне пришлось довольно долго, не менее часа по моим внутренним часам.

Когда наконец дверь приоткрылась, я с увлечением рассматривал атлас с картами – вероятно, очень древний, поскольку пергаментные страницы успели порядком пожелтеть, а все карты были выполнены от руки, еще и с объяснениями на незнакомом языке. Ага, вот они, те самые Энейские горы... Ну положим, с масштабом погорячились, да и местность не совсем соответствует.

Когда я поднял голову на звук открываемой двери, то вскочил намного быстрее, чем обычно делаю это, в дверном проеме стояла Янианна. В одной руке у нее была бутылка темного стекла, а в другой гитара.

– Помогите мне, Артуа, бутылка очень тяжелая.

Торопливо покрыв разделяющее нас расстояние, я осторожно забрал из ее рук оба предмета. Девушка опять сменила платье: никаких декольте, обнаженных спины и рук. А что касается длины подола – так это даже не макси, это гипермакси, и других здесь носить не принято.

Янианна уселась в стоящее перед столом кресло и заявила:

– Барон, вы обещали мне спеть несколько ваших песен.

Не давал я никаких обещаний, но для тебя готов петь, пока не потеряю голос или горлом кровь не пойдет. Но вот понравятся ли тебе мои песни?

– Конечно, леди Янианна. Но хочу сразу предупредить, что они не совсем такие, как вы привыкли слышать.

Девушка кивнула и указала на принесенную бутылку:

– Откройте, пожалуйста, если вас не затруднит.

Горлышко бутылки тщательно запечатано сургучом, прикрывающим пробку. Вообще-то это обязанность слуг, но видеть их мне хотелось в самую последнюю очередь. Слава богу, и Янианна придерживалась того же мнения, доверив это ответственное дело мне.

Я откупорил бутылку, разлил вино по бокалам и немного отпил, дождавшись, пока Янианна попробует из своего.

– И как вам на вкус?

– Вино восхитительное, леди Янианна, ничего лучшего я еще не пробовал.

– Правда? – обрадовалась девушка. – Это мое любимое вино, и мне приятно, что и вам оно пришлось по вкусу.

Вино с легким привкусом земляники, слегка газированное, вот и все, что я мог о нем сказать, если говорить правду.

У человека, пившего неразведенный спирт на Ленском зимнике в Якутии и в далекой стране Перу, что в Южной Америке, все нежные вкусовые рецепторы погибли, как чернеют и гибнут комнатные цветы на лютом морозе. Погибли без надежды на воскрешение. Ну и какой после этого из меня тонкий ценитель вин?

– Хочу вас поблагодарить за танец, Артуа, – можно, теперь я буду называть вас так? Признаюсь, был момент, когда мне хотелось отказаться, но я все же передумала, и правильно сделала. Валлос понравился всем. Я выслушала столько комплиментов, и почти все они были

искренними. Знаете, наш родовой дар приносит больше неприятностей, чем толку. Иногда он кажется мне не даром, а проклятием... Ну да хватит об этом. Спойте мне, пожалуйста, Артуа. Мне говорили, у вас хорошо получается.

Взяв гитару в руки, я задумался, перебирая струны. Что же тебе спеть такое, милая моя недоступная любовь? Да что тут думать? Либо понравится, либо нет, а тема, которая всегда волнует девушек и женщин, – это любовь.

И я запел песенку о любви, о том, что влюбленному достаточно одного взгляда и поцелуя, чтобы он смог почувствовать себя богаче всех коронованных особ вместе взятых.

Янианна слушала внимательно, положив подбородок на сплетенные пальцы рук, изредка поглядывая на меня. А я заливался соловьем, мне казалось, что так хорошо еще никогда не получалось.

Закончив петь, затих, дожидаясь вердикта.

Девушка помолчала немного, потом тихо сказала:

– Действительно необычная песня, наверное, как и все, что с вами связано, Артуа. Я раньше не слышала ничего подобного, но песня замечательная.

И я пел дальше – разные песни, баллады и романсы, попсу и лирику, но все они были о любви.

– Красивые песни, и все такие разные, но почему-то они грустные.

– Я не знаю веселых песен о любви, может быть, вы мне подскажите, леди Янианна?

Девушка ненадолго задумалась.

– Верно, Артуа, я тоже не знаю. Почему это так?

Пожимая плечами, я ответил:

– Выходит, что не такое уж это веселое дело – любовь.

Потом мы снова поговорили немного о бале, новом танце, еще о каких-то вещах. Янианна вспомнила о Бобсе, вновь забавляясь моим смущением.

Затем она спросила:

– Скажите, Артуа, что за книгу вы так внимательно рассматривали, когда я вошла?

– Географический атлас, леди Янианна. Мне стало интересно посмотреть на карте те места, в которых я недавно побывал.

– Да? Может быть, вы и мне их покажете? Я о них знаю только, что это где-то на западной границе Империи.

– С удовольствием. Вот посмотрите, мы прошли этой дорогой до самого Дрогаунда. Затем свернули южнее, прошли по границе леса и степи примерно до этого места. А там...

Показывая на карте путь нашей экспедиции, я совершенно случайно прикоснулся к руке девушки. Вздвогнув, я отступил на шаг. Мы посмотрели друг на друга. А потом я сделал то, о чем никогда не помышлял и даже не мог предположить, что решусь на такое, – нежно обняв девушку, я поцеловал ее в такие манящие губы.

Наш поцелуй длился какой-то миг, затем она мягко, но настойчиво отодвинула меня от себя.

– А теперь, барон де Койн, расскажите, что вы думали при этом, и не смейте лгать.

Такой голос и должен быть у императрицы.

Да что я успел подумать? Поцелуй и длился-то всего одно мгновение...

– Я подумал, ваше императорское величество, какой казнью вы меня теперь казните.

Глаза у девушки удивленно расширились.

– С чего вы взяли, барон, что за это можно казнить?

– Я плохо знаю законы Империи – вполне возможно, существует и такой, по которому за поцелуй императрицы без разрешения полагается смертная казнь.

Янианна внимательно посмотрела мне в глаза в поисках насмешки.

Но мой взгляд выражал только решимость понести за содеянное справедливое наказание.

– Разве такое вообще возможно?

Я на секунду замялся: ей всего шестнадцать лет, но в этом мире нередки случаи, когда в таком возрасте уже имеют парочку детей. Да и сам я недавно слышал от того же графа фер Стянуа, что не так давно императрица поссорилась со своим фаворитом. А фаворит есть не что иное, как любовник.

– Леди Янианна, когда-то в одной из далеких стран правила царица Клеопатра. Это было давным-давно, но легенда о красоте Клеопатры дошла до наших дней. Однако прославилась она не только своей красотой. Царица предлагала всем желающим ночь любви в обмен на жизнь. Мужчину казнили, как только он выходил утром из ее спальни.

– И что, находились желающие?

– Говорят, спальня ее не пустовала, так потрясаяще красива она была. Но вы, леди Янианна, несомненно красивее ее.

– Почему вы так считаете?

– Факты говорят сами за себя. Я согласился лишиться головы всего лишь за один поцелуй. Правда, была у меня еще маленькая надежда...

– Какая еще надежда?

– Надежда на то, что мой поцелуй вам понравится, и вы замените смертную казнь пожизненной каторгой. Это и помогло мне решиться.

Я стоял и ждал с затаенным волнением, как это все она воспримет.

– Можете успокоиться, Артуа, нет у нас ни таких законов, ни таких обычаев. Хотя мысль хорошая: смертная казнь за поцелуй императрицы без разрешения... – Девушка многозначительно посмотрела на меня. Я представлял собой само раскаяние.

Не выдержав, Янианна улыбнулась и добавила:

– Налейте мне вина и спойте еще одну из ваших песен.

После того как я закончил петь, девушка встала, заставив меня тоже вскочить. Янианна на несколько мгновений задумалась, затем обратилась ко мне:

– Артуа, проводите меня.

Шли мы совсем недолго. Буквально через несколько поворотов коридора Янианна встала перед одной из дверей. Я открыл дверь и отошел в сторону, пропуская ее. Янинна прошла внутрь, взглядом приглашая меня за собой. Когда я притворил дверь за собой и обернулся, она стояла и смотрела мне в глаза. Несомненно, что это комната, больше похожая на небольшой зал, – ее спальня. Спальню невозможно спутать ни с чем, это особая комната, и я в спальне императрицы...

Осторожно, затаив дыхание, все еще не веря в происходящее, я приблизился к девушке, мягко привлек ее к себе и поцеловал в губы. На этот раз Янианна не стала меня отталкивать, а сама подалась мне навстречу. Господи, как же она хороша с запахом волос, упругостью гибкой фигуры и такими сладкими губками! Я уже не мог себя сдерживать – поднял ее и положил на кровать поистине королевских размеров.

– Артуа, погасите свечи, – попросила она, поворачиваясь на бок и придавая тем самым своей фигуре самые соблазнительные очертания. Легко сказать – «погасите свечи». Комната огромная, в ней целых три канделябра, да еще и в разных углах.

Я метался по комнате, дуя на свечи под тихий смех Янианны.

Наконец со свечами было покончено.

Затушив последнюю свечку, я обернулся и застыл: в комнате стояла абсолютная темнота. Ничего, сейчас я возьму немного наискосок и выйду туда, куда мне нужно. Однако через пару шагов наткнулся на кресло, меня развернуло, и я потерял направление. Прислушавшись, попытался определить его по звуку, но тщетно – Янианна не издавала ни звука. Комната огромная, в ней помимо ложа находится еще много мебели. Дурацкая ситуация. Призвать девушку на помощь – что может быть глупее? Я громко хрюкнул, с трудом сдерживая смех.

– Что с вами, Артуа? – Голос Янианны раздался совсем с другого направления.

– Представьте, я заблудился, – пришлось сознаться мне.

Она вновь издала легкий смешок и заявила:

– Я помогу вам. Идите на мой голос, но осторожно, не ударьтесь о мебель.

– Хорошо, леди Янианна.

Осторожно направившись на звук ее голоса, натолкнулся на мебель, на этот раз на легкий столик, если судить на ощупь. Не больно, но очень неприятно – я опять потерял дорогу.

– Осторожнее, Артуа, идите сюда, я здесь.

Пока я обходил этот чертов столик со стоящими вокруг него стульями, ситуация повторилась снова. «Господи, как же глупо я сейчас выгляжу в ее глазах», – пронеслось в голове.

– Артуа-а, – слышался ее милый голосок.

Черт, может быть, мне показалось, но, по-моему, голос донесся с другого направления. Я постоял на месте, застыв, как каменный истукан.

– Артуа, вы где?

Точно, ее голос сместился. Вот, значит, как, проказница. Пользуясь тем, что хорошо знаешь расположение своей спальни, водишь меня за нос!

Я вытянул вперед правую руку и осторожно, мелкими шагами двинулся на голос. В следующий раз голос девушки раздался совсем близко. Я прижал ее к себе и впился в губы.

– Так нечестно, – заявила она, когда мы отдышались после поцелуя.

– Водить меня за нос тоже нечестно, – парировал я.

– Ты знаешь, Артуа, я теперь тоже не знаю, куда идти, – призналась девушка.

Мы хохотали, прижавшись друг другу. Да уж, ситуация.

– И что нам теперь делать?

– Существует несколько вариантов, – уверенно заявил я. – Вариант первый: мы стоим здесь до утра, пока не рассветет. Вариант второй: мы находим что-нибудь, на чем можно посидеть, и сидим до утра.

– Какой ты умный, Артуа, я это сразу заметила. На окнах такие толстые портьеры, что здесь будет темнота и в самый разгар дня.

– Ты меня не дослушала, солнышко. У меня еще куча вариантов.

Я назвал ее на «ты», да еще и солнышком, и она восприняла это нормально. Ради одного этого я готов стоять до утра хоть на одной ноге.

– Можно еще позвать слуг, они придут и зажгут свет.

– Я отправила их подальше, потому что... Отправила, в общем. Представляешь, как громко придется шуметь – мы весь дворец перебудим!

– Это все я просто так говорил. На самом деле у меня есть блестящий план, который обязательно сработает.

Крепко взяв ее за руку, я пошел впереди. Пару раз натыкался на мебель, которая со стуком падала, а Янианна хихикала сзади. Но мне повезло с первого раза: в стене, к которой мы пришли, имелось окно. Распахнув портьеру, я добился того, что в комнате немного посветлело. Подхватив девушку на руки, быстро добрался до ложа.

Янианна нисколько не противилась, даже немного помогла, когда я снимал с нее платье. Я обнимал ее, засыпал поцелуями, и мне было так хорошо, как никогда прежде. Она пыталась что-то сказать, но я не давал возможности, закрывая рот поцелуями. Наконец ей удалось:

– Артуа, можно попросить тебя об одной мелочи?

– Все, что угодно, солнышко.

– Прикрой, пожалуйста, окно! – И засмеялась, довольная.

– Конечно, только учти, что искать тебя, когда ты совсем без одежды, мне будет гораздо приятнее.

– Я успею накинуть платье, – пообещала она.

– Ничего не получится, я возьму его с собой.

– Какой ты подлый, Артуа. Совсем от тебя такого не ожидала.

Вместо ответа я поцеловал ее в губы.

Когда мои поцелуи стали более настойчивыми и я приступил к решительным действиям, Янианна чуть слышно прошептала:

– Артуа, это ведь не слишком больно?

Меня словно окатило ведром ледяной воды. Я отодвинулся от девушки и, глядя на нее, подумал – вправе ли я? Теперь становилась понятной ее неопытность в поцелуях и вообще ее поведение. Янианна просто старательно копировала более опытных подруг, не имея собственного опыта.

Девушка открыла глаза, посмотрела на меня и решительно притянула к себе.

Глава 3

Железный барон

Когда я проснулся, за окном уже всюду светило солнышко. Янианна спала, прижавшись к моей груди, и ее дыхания совсем не было слышно. Я поцеловал ее в плечико, в ушко, чуть отодвинулся, чтобы полюбоваться этим бесконечно милым созданием, погладил по волосам и снова склонился, чтобы поцеловать.

– Ты тоже проснулся, Артуа, – услышал я совсем не сонный голос, когда уже почти дотянулся губами до ее прелестных губ.

От неожиданности я вздрогнул, девушка хихикнула, и сон окончательно пропал. Вспомнив подробности вечера, наше блуждание в темноте, мы посмеялись немного, затем поцеловались, поцеловались еще раз и сплелись в объятиях...

Вот и пришло время самого важного вопроса: встретимся ли мы снова. «Сейчас и спрошу», – думал я, набираясь мужества. «Вот прямо сейчас», – и снова молчал. Я не имел иллюзий по поводу своей внешности. Да, многие женщины называли меня приятным мужчиной, но вокруг Янианны вертится столько красавцев... И то, что между нами произошло, вообще ни о чем не говорит. Стечение обстоятельств, минутная слабость, еще что-нибудь...

– Яна, – тихо позвал я девушку.

– Как ты меня назвал, Артуа?

– Яной. Тебе так не нравится?

– Так называла меня мама, когда я была совсем маленькой, – ответила она, продолжая водить пальцем по моей груди.

Решимость моя снова куда-то пропала. Наконец я набрался отваги:

– Яна, мы еще встретимся?

– Так, барон Артуа де Койн, – зловещим голосом произнесла она, приподнявшись на локте и глядя прямо мне в глаза. – Вы соблазнили невинную девушку, а теперь пытаетесь избавиться от нее? – Затем, увидев выражение моего лица, рассмеялась. – Ты дурачок, Артуа. Из-за этого твое сердце стало биться так часто? Конечно, встретимся. – И она поцеловала меня. Затем еле слышно добавила: – Теперь я знаю, что имела в виду леди Диана.

– Леди Диана?

– Ну да. Когда при дворе стали ходить разговоры о неизвестном бароне, вывезшем из-под носа дикарей кучу золота, а потом еще и проявившем себя в сражении с ними, то все стали интересоваться – а кто это? И я совершенно случайно, повторяю – совершенно случайно, – Янианна погрозила мне пальчиком, – услышала, как леди Диана сказала: «Барон Артуа де Койн – это тот мужчина, на которого я бы променяла как всех своих бывших мужчин, так, возможно, и будущих. А я, как вы сами догадываетесь, немного в них разбираюсь...» Ты ведь был ее любовником одно время, Артуа?

Я только таращил глаза, но подтверждения от меня никто и не требовал. А девушка продолжала:

– И еще ты был ее единственным мужчиной, которого она не бросила, вы просто расстались, и не по своему желанию. Не смотри на меня так, Артуа. Я много еще чего про тебя знаю. Буквально на днях я разговаривала с графиней Миланой Дьубен, она просила за тебя – ну из-за той истории со сломанной шпагой. Мы с ней долго говорили, и она даже рассказала о путешествии в твоём обществе. Видишь, как тесен мир. – Затем девушка неожиданно спросила, внимательно глядя мне в глаза: – Артуа, ты ведь больше не любишь ее?

Я отрицательно покачал головой:

– Нет, Янианна. Когда я тебя увидел в первый раз, то сразу подумал, как вообще можно любить других женщин, кроме тебя?

– Ты же меня не обманываешь? – Она досадливо махнула рукой. – Не получается у меня с тобой, не понимаю я, когда ты врешь, а когда нет. – И, секунду помолчав, добавила: – Наверное, это даже к лучшему. Сначала забавно чувствовать, как человек честно смотрит тебе в глаза, а сам лжет при этом. А потом становится все тяжелее. Но ты же не станешь меня обманывать, Артуа?

– Нет, никогда и ни при каких обстоятельствах. Я не смогу этого сделать, даже если очень захочу.

– Я ведь еще один раз видела тебя. Только даже не спрашивай когда и где, все равно не отвечу.

– А я видел тебя часто, и я совсем тебя не обманываю.

– Ты? Меня? Этого не может быть, Артуа. – Девушка неподдельно удивилась.

– Ты постоянно приходила ко мне в мечтах, а иногда и во снах. Вчера, когда я увидел тебя воочию...

– ...то сразу решил сбежать. Так ведь?

Я кивнул, соглашаясь.

– А почему?

– Ты императрица, Янианна. А я кто? Просто мелкий барон, без роду и племени. Вот и все.

– А еще ты дурачок. Нет, даже не дурачок, а дурень. Так вернее будет. Мне лучше знать, кто мне нужен, а кто нет. И еще, Артуа. У нас нет законов, согласно которым казнят за поцелуй императрицы без разрешения. Но если понадобится, то появится новый, и тогда можно будет казнить неверных любовников императрицы.

Я счастливо заулыбался.

– И не улыбайся, я серьезно.

– Очень удобно, ваше императорское величество. Надоел любовник – обвинила его в измене, и все: проблемы решены. Надоел следующий – раз, и готово. Клеопатра обзавидуется.

– Ах ты, негодяй! – Девушка напала на меня, стараясь побороть и оседлать. Но я мужчина, я сильнее, и поэтому мне пришлось уступить. Мы долго еще оттягивали момент расставания, но все хорошее быстро кончается, это плохое длится бесконечно.

– Артуа, мы не сможем встретиться следующие несколько дней, и не по моему желанию. Но я пришлю тебе письмо. Ты ведь приедешь?

– Я прилечу, Яна. Если, конечно, смогу пережить эти несколько дней без тебя.

– Ты постарайся. А чтобы ты меня ни с кем не перепутал, я подпишу его – Клеопатра.

И девушка рассмеялась, довольная.

Во дворе моего столичного дома витал запах запекаемой в печи дичи. Это Марта готовила обед в летней кухоньке, вернее, круглогодичной, поскольку зимы здесь не бывало, а следовательно, и лета. Народу в доме было предостаточно, и потому предусмотрительный Герент, управляющий поместьем, отправил ей в помощь служанку из Стенборо. А вон и она сама, спешит куда-то с корзиной белья. Возле конюшни Прошка чистил скребком Ворона, косившего на него шальным глазом. Здесь порядок.

Из моего небольшого тренировочного зала доносился звон стали – и здесь все нормально. После императорского дворца дом казался крошечным, да и народу в нем теперь – не протолкнешься. Надо улучшать жилищные условия, это уже не роскошь, а насущная необходимость.

В кабинете обнаружился Коллайн, развалившийся в кресле и удобно закинувший ноги на письменный стол. И это тоже, наверное, порядок. Вид у барона был довольный, как у сытого кота, Коллайн разве что не мурлыкал.

Явно он не терял времени на балу, охмутив очередную красавицу. У меня все не так, я очень люблю эту девушку, и отношения у нас будут совсем другие. «Если, конечно, они вообще будут», – закралась в голову паническая мысль.

– Вид у тебя, Артуа, как у сытого кота, – посмотрев на меня, констатировал Коллайн.

Черт возьми, это же я собирался сказать ему. Но неужели у меня такой вид? В одном из ящиков стола должно быть небольшое зеркальце...

– Скажите, барон, что вы пытаетесь там найти? – лениво поинтересовался Анри.

– Зеркало, – пробормотал я, продолжая поиски.

– Если вас не затруднит, обратите свой взор на стену вашего кабинета...

Я обратился. Действительно, на стене висело зеркало в затейливой раме.

– Откуда это? – удивился я.

Барон легко встал с кресла, подошел к зеркалу и начал закручивать кончики своих щегольских усов.

– Не вы ли сами, барон, отдали мне половину зеркал из лаборатории Капсома? Вот я и захватил несколько – одно такое же в моей комнате висит...

Ну да, я хорошо помню: это было в лаборатории химика, удачно выкраденного нами из-под самого носа Варона Кройта, крупного банкира и криминального авторитета. Я пришел узнать, как продвигаются работы по созданию амальгамы, необходимой для изготовления зеркал. Капсом вел себя невозмутимо и, когда я задал ему свой вопрос, молча указал подбородком на стол, расположенный в самом углу башни, переделанной в химическую лабораторию. На нем лежали несколько кусков зеркал. Я не смог сдержать эмоций: мне до самого конца не верилось, что у нас получится. Вот тогда в лабораторию и вошел Анри – как раз в тот момент, когда я чуть не расцеловал на радостях смущенного химика. Тогда же я пообещал отдать ему первую, пробную партию зеркал. Это все ясно, но...

– Хорошо, а рамка откуда?

– Сам сделал, – небрежно отмахнулся он. Затем, посмотрев на мое ошарашенное лицо, продолжил: – Артуа, шучу, конечно. Это работа твоего ювелира, Альбрехта Гростара, вернее, рамки изготовили по его эскизам. И вообще, что с тобой сегодня? Ты сам на себя непохож...

– Все нормально. Отдохну часок перед обедом и буду как обычно.

– Обед через четверть часа. Ты не успеешь поспать.

– Ну тогда обедайте без меня. А я все же сначала отдохну. Скажи Прошке, чтобы разбудил.

– Странный ты какой-то, барон.

– Это еще почему?

– Нормальный барон отложил бы обед, пока отдыхает, вот почему.

– Люди-то при чем? Пусть обедают.

– Вот я и говорю, что странный. Надеюсь, ты не забыл, что после обеда у нас важная встреча с банкирами?

Конечно, не забыл. Мы и назначили ее на послеобеденное время, чтобы успеть в случае необходимости привести себя после бала в божеский вид. Встреча действительно важная. Во-первых, я хочу обналичить треть золота – если продавать его мелкими партиями, то потеряю в цене.

И во-вторых, появилась возможность выкупить металлургический завод, бывший у этого банка в закладе, поскольку прежние владельцы отказались от него. Металлургический завод – это, конечно, слишком громко сказано, но в нем имелся литейный цех, и располагался он недалеко от моих прежних приобретений. В сущности, их разделяла только суконная фабрика, но и ее приобретение – лишь вопрос времени.

Я посмотрел на Коллайна, все еще вертящегося у зеркала, потом на рамку, вспомнил про Гростара, и меня осенило: вот кто мне поможет! С ним меня познакомил Коллайн, и оказа-

лось, что это настоящий самородок, инженер-механик, способный выполнять самые сложные работы, имея толковые чертежи.

До встречи с Янианной еще несколько дней, но о подарке нужно позаботиться уже сейчас. Драгоценности не подойдут, у нее их столько, что удивить очень трудно, а чего-то уникального у меня нет, и времени найти – тоже нет. С цветами – глупо, а вообще без подарка – неприлично.

Яна рассказывала, что ей предстоит тяжелая неделя – наступила пора отчетов: предстоит присутствовать на заседаниях Департамента промышленности, Военного и Военно-морского департаментов, еще каких-то других. Затем пару дней перерыва – и снова работа чуть ли не на неделю. Ей придется подписывать множество документов, у нее – право первой подписи, говоря привычным мне бюрократическим языком.

Такой порядок завел ее отец, император Конрад, а когда корона внезапно свалилась ей на голову, Янианна не стала ничего менять, пытаясь разобраться. Вообще-то ее к этому готовили, но никто не думал, что все случится так быстро.

Так вот, ручка станет идеальным подарком – не такая, какую я подарил Вандереру, а вечное перо. Так их называли, когда они появились. Технология их изготовления достаточно сложная – не знаю, справится ли Гростар... Не хочется отрывать его: он так увлекся изготовлением оптических приборов... Но думаю, что сумею его убедить. Вот на обратном пути, после встречи с банкирами, загляну к нему и выясню этот вопрос.

Потом я почему-то вспомнил, как Яна спросила, есть ли у меня черный конь.

Да, мой Ворон, черный как смоль, но все лошади аргхальской породы такой масти, ответил я. Почему ее это заинтересовало, она объяснять не стала. Следом мои мысли перетекли к совсем другим подробностям этой ночи, затем я начал представлять следующую нашу встречу...

Из плена сладких грез меня вырвал все тот же Коллайн, позвав по имени:

– Господин барон де Койн, Артуа, ваша светлость.

И этот туда же. Помнится, я долго отучал Проухва, или Прошку, как чаще всего его называл, от скверной привычки называть меня «вашей светлостью». Я барон, а это всего лишь «ваша милость». Тогда я опасался, что это услышит кто-нибудь из моих знакомых и поинтересуется: а когда это вы, барон, графом успели стать? Но ладно Проухв, парень он здоровенный, настоящий богатырь, но наивный до ужаса. А Коллайн-то чего шутить вздумал?

– Анри, совсем не обязательно кричать, я тебя отлично слышу.

– Если бы, Артуа. Я зову тебя уже четвертый раз. И вообще, всякий раз, когда ты думаешь, что я на тебя не смотрю, на твоем лице появляется какая-то идиотская улыбка... Иди и поспи, в таком виде нельзя появляться на людях.

Когда я уже подходил к дверям, то услышал за своей спиной:

– Кажется, наш железный барон влюбился.

Обернувшись, я спросил:

– Какой барон, не расслышал?

– Железный, Артуа, железный. Это парни тебя так прозвали.

Ладно, железный не деревянный, хотя интересно – чего они так?

– погоди минуту, Артуа. Сейчас я пробую догадаться, кто же она. Ты ведь сам не скажешь?

Я отрицательно помотал головой.

– Хорошо хоть, что не отрицаешь.

Коллайн уселся в кресло, прикрыл глаза и начал тереть мочку левого уха, вероятно стимулируя мыслительный процесс. Он всегда так делает, когда думает. Еще он при этом еле слышно бормочет что-то под нос. И сейчас без этого не обошлось. Я с любопытством уставился на него.

– Сдаюсь, де Койн. Ничего в голову не приходит. Сам не скажешь?

– Не скажу, – ответил я, закрывая дверь.

Когда я спустился к обеду, за столом меня ждали все.

– Вы что, целый час здесь сидите и дожидаетесь? – обратился я к Прошке.

– Нет, ваша милость, нас только что позвали.

Ладно, не мною такие порядки заведены, не мне их и менять.

Да, тесновато стало за столом: он явно не рассчитан на такую компанию, и со столовыми приборами проблема. Надо часть парней в Стенборо отослать, все равно им здесь делать пока нечего. Золото доставлено в столицу, разделено на три части и пристроено на хранение в разных банках.

Пусть дуют назад в поместье, там их «дикие» гонять будут до седьмого пота, тренировать. И этих четырех новичков, коих опять Кот нашел, пусть забирают. Хотя какие они новички – опытные воины, некоторым уже под сорок. Такие люди нам и нужны, это костяк. Когда молодежь наберем, будет у кого ума-разума набираться. А сразу три десятка ветеранов накладно содержать, да и где их взять? Хорошие воины всем нужны, а плохие и нам без надобности. Вот пусть сегодня и отправляются, только Проухва оставлю. Да еще Жердома, слугу Коллайна, которым Анри успел обзавестись: теперь его доходы это позволяют. Они давно знакомы – с тех пор, когда Коллайн еще в свите герцога Пуланского пребывал. Анри заверил, что Жердом – человек надежный, да и боец он не самый плохой.

Хотя чего там говорить – приятно, когда за тобой почти полтора десятка воинов. Посмотреть было на что: впереди мы с Коллайном в раззолоченных камзолах, сзади нас сопровождает дюжина всадников в новом обмундировании из ткани отличного качества и с пиками в руках. На пиках – флажки с эмблемой «феррари», вернее, с моим родовым гербом. Каждый обвешан оружием, даже на взгляд очень дорогим.

Эти парни к нам примкнули, когда увидели нашу кавалькаду, и, признав знакомого, окликнули Кота. Тот вопросительно посмотрел на меня, и я его отпустил. Потом догонит, дорогу знает.

Понять парней можно: они профессиональные воины, оружие – их рабочий инструмент. На нем бойцы не экономят, тем более когда монета в карманах звенит. Гордон, бывший абордажник, со своими товарищами-новобранцами даже аванс у меня выпросил, чтобы остальным соответствовать. Это потом я всех их в камуфляж обряжу, шьется уже, и ножны заставлю поменять, больно уж сверкают на солнце, а в походе поскромнее надо быть, незаметнее.

Когда мы с Коллайном сели в недавно приобретенную карету, я обнаружил зеркало и там. Анри начал объяснять мне, что дамам нравится, а поскольку карета пока одна, мы договорились, что будем пользоваться ею вместе, по мере надобности. Я с подозрением покосился на широкие кожаные сиденья – целые диваны с набивкой из конского волоса. Коллайн начисто опроверг мои подозрения, заявив с самым оскорбленным видом, что все его знакомые женского пола – дамы из света, и подумать такое может только глубоко порочный человек. При этом его глаза смеялись. Ничего, негодяй, отыграемся.

Карета тронулась – зацокали по мостовой подковы, застучали колеса. Никакого комфорта при езде: ни звукоизоляции, ни мягкости хода. Рессоры имеются, но они жесткие, поскольку нет амортизаторов.

В принципе амортизаторы можно изготовить – ничего сложного нет, проблема только в резиновых манжетах и втулках. Можно попробовать изготовить их из кожи, в несколько слоев. Резьбовые соединения известны, разве что нет стандартов, каждый делает как считает нужным. Задача как раз для моего кузнеца, он сейчас что-то вроде сепаратора Капсому делает, по его заказу. Масло и оливковое подойдет.

После встречи с банкирами Коллайн попенял на меня, что я практически не участвовал в разговоре. А чего в нем участвовать? И так все нормально было. Обо всем договорились,

все пункты устроили обе договаривающиеся стороны. А мне постоянно Яна вспоминалась – мучил вопрос, понравится ли ей мой подарок и сумеет ли Гростар изготовить его?

Гростар нашему приезду обрадовался: у него накопилось много проблем и вопросов, требующих немедленного решения, на что понадобилось около двух часов. Затем я, с надеждой глядя на него, объяснил суть своей просьбы, проиллюстрировав рисунком. Вот сюда заливаются чернила, это поршень на винтовой резьбе, он нужен для того, чтобы создать необходимое давление. И все это нужно изготовить за три, максимум четыре дня. Получится? – я посмотрел на него с надеждой.

Казалось, что Альбрехт обрадовался новой трудной задаче. Мы с Анри просидели у него во внутреннем дворике до самого заката, Гростар попросил не уезжать, чтобы сразу ответить на вопрос, возможно ли это в столь короткий срок. Порядком стемнело, когда он появился весь перепачканный чернилами, но чрезвычайно довольный. Уже по одному его виду можно было догадаться о результатах. Так оно и оказалось, он взялся за это дело и гарантировал закончить к сроку.

– Я сделаю это, господин де Койн, обязательно сделаю. Как я понимаю, футляр должен быть в подарочном исполнении?

– Да, но ручка предназначена для женщины, девушки. И ее размеры должны соответствовать тонким пальчикам этой особы. И еще, Гростар, мне не важна цена этой вещи – поверьте, совсем не важна. Можете выполнить ее целиком из золота, усыпать бриллиантами... Только одно условие: подарок должен выглядеть очень изящно. А в остальном себя не ограничивайте. Если нужен задаток – скажите. Можете даже сразу назначить цену, я оплачу немедленно.

– Чей герб должен быть изображен?

– Герб династии Крондейлов, она имеет к нему отношение.

Всю обратную дорогу Коллайн молчал, изредка поглядывая на меня. Но мне было не до него – наконец-то не нужно отвлекаться от сладких воспоминаний, которым я предавался каждую свободную минуту. И в карете достаточно темно, чтобы не беспокоиться о выражении своего лица.

После ужина, как обычно, мы с Коллайном поднялись в кабинет, чтобы обсудить предстоящие на завтра дела. За ужином он вел себя необычно тихо и даже никак не прокомментировал мою неуклюжесть, когда я локтем смахнул со стола бокал с вином.

Правда, забрал у меня солонку: задумавшись, я трижды посолил салат, который после этого пришлось отодвинуть в сторону.

В кабинете я предложил ему бренди, но он только отмахнулся, продолжая смотреть на меня и не говоря ни слова. Наконец мне все это надоело.

– Ну и что все это значит? – спросил я у него, имея в виду его затянувшееся молчание.

– Ты знаешь, Артуа, ты начал удивлять меня с самого начала, с того самого дня, когда мы познакомились. Потом я решил, что больше не сможешь удивить меня, но ты опять сделал это. Теперь, когда я окончательно решил, что меня больше невозможно удивить, ты удивил меня так, что я вообще потерял способность удивляться. Теперь скажи мне: это правда?

– Из нас двоих только ты обладаешь способностью читать чужие мысли. Я не понимаю, о чем ты.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я хочу сказать. Не знаю, завидовать тебе или соболеznовать, но ты хоть понимаешь, сколько у тебя теперь может возникнуть проблем?

– Каких проблем, Анри? – вяло поинтересовался я.

– Больших, огромных проблем, Артуа! Ты считаешь, что подобная ситуация должна понравиться ее прежнему фавориту? Ты хотя бы знаешь, кто он? Ты вообще когда-нибудь о чем-нибудь задумываешься?

– Анри, я никогда не должен был говорить тебе то, что сейчас скажу. Я у Янианны был первым мужчиной – первым, ты понимаешь? Но даже если бы это было не так, думаешь, мне

есть хоть какое-то дело до остальных? Пойми, что я люблю ее, ты даже представить себе не можешь, как я ее люблю. И самое главное – ты о ком больше печешься, обо мне или о себе?

Вот это я зря сказал, наверное. К счастью, Коллайн, понимая мое состояние, не обратил должного внимания на мои последние слова.

– Извини меня, де Койн, ради бога, извини. Я просто не подумал, что у тебя все так серьезно. И еще знай: в любом случае я на твоей стороне.

Я встал, хлопнул Коллайна по плечу и сказал:

– Анри, я никогда не сомневался в тебе. И все равно приятно это услышать. Все будет хорошо, вот увидишь.

Когда я уходил, Коллайн продолжал сидеть в кресле, теребя мочку левого уха.

Глава 4

Письмо от Клеопатры

Мои следующие несколько дней прошли в непрерывном ожидании письма от Янианны. Если первый день дался легко, то последующие стоили мне больших нервов. Бедная Марта, служанка в моем столичном доме, замученная бесконечными вопросами – не приходила ли почта? – в конце концов взмолилась и пообещала немедленно доставить мне ее в руки, как только она придет.

От дел я практически самоустранился – хорошо, что Анри и Герент взяли все на себя. Я изводил себя сомнениями, встретимся ли мы снова и нужен ли я ей вообще.

Бывали минуты, когда мне становилось противно. Тогда я убеждал себя, что уже не мальчик, что мужчины так не делают и дела всегда должны быть на первом месте. Но если это и помогало, то совсем ненадолго. В конце концов окружающие стали относиться ко мне, как к человеку, заболевшему тяжелым недугом со слабой надеждой на выздоровление.

Не знаю от кого, но всем вокруг стало известно, что хозяин влюблен, влюблен тяжело и безнадежно. Марта – та всегда вздыхала, завидев меня, и негромко бормотала что-то про современных девиц, которые не видят своего счастья и не могут отличить хорошего человека от плохого. Почему-то все считали, что любовь моя глубоко несчастна, без всякой надежды на взаимность. Насчет предмета моей страсти строились самые различные предположения, иногда настолько нелепые, что мы с Анри подолгу хохотали над ними.

Это произошло уже на четвертый день, когда мне стало немного легче. Анри, увидев перемену, случившуюся со мной, явно обрадовался. Когда я спросил у него, что значит его странная реакция, он сунул мне под нос небольшое зеркало. И действительно, вид у меня был еще тот. Я вернул ему зеркало: да уж, комментарии излишни. Марта тоже заметила перемены, произошедшие со мной.

– И правильно, ваша милость, – заявила она, – такого мужчину, как вы, поискать еще надо. Не нужна она вам, потому что дура.

Я недоуменно посмотрел на Коллайна, который просто давился от смеха. Мы уединились в кабинете, и он рассказал о предмете моей неземной страсти, выдуманном Мартой.

Этим предметом оказалась баронесса, жившая буквально через пару домов от моего, отличавшаяся крайне злобным характером и невероятно плоской фигурой. При этом она считала себя роковой красавицей, разбивающей мужские сердца. Сначала я хохотал вместе с Коллайном, а потом мне стало даже немного обидно за себя. К счастью, Анри вовремя это заметил и перестал смеяться.

Следующие пару дней мы работали как проклятые – дел действительно было хоть отбавляй. На складе скопилось уже достаточное количество ручек: буквально неделя – и можно смело выходить на рынок. С зеркалами дело шло хуже. Но с ними и возни больше, и само производство необходимо пока держать в строгом секрете. Тем не менее первая партия из полусотни штук уже была готова. Заработал и сталелитейный цех, выпуская пробную партию отливок.

Вообще, это производство необходимо серьезно модернизировать, но о металлургии я знаю только то, что плавку необходимо продувать сильным напором воздуха, чтобы избавить ее от излишков углерода. Такую печь называют мартеновской, и это было все, что я смог вспомнить.

Вопрос снова упирался в специалистов, которых найти невозможно, поскольку эта технология еще не придумана. Значит, нужен человек, который займется разработкой этой технологии, и его еще нужно отыскать.

Полдня я провел в архиве Департамента промышленности, в том самом отделе, который занимался изобретателями. Вандерер все-таки выполнил свое обещание, и я получил доступ в архивы отдела. Там я рассчитывал найти информацию о людях, чьи изобретения опередили время, и клерки не смогли оценить их перспектив. В этом смысле я имел преимущество: то, что здесь могло показаться нелепым, давно и успешно существует в моем мире...

Увы, ничего существенного обнаружить не удалось, разве что записать несколько адресов перспективных, с моей точки зрения, людей. Еще полдня я потерял, разыскивая их, и опять неудача. То ли адреса оказались неверными, то ли я их неправильно записал, но нашел я только одного человека. Зато какого! Тут удача улыбнулась мне по-настоящему.

Этот человек, Эндон Кроунт, числился в моем списке последним – и по алфавиту, и по значимости. До этого мы с Коллайном в сопровождении Проухва и Жердома безрезультатно объездили несколько адресов. Все они располагались в далеко не самых благополучных районах столицы, где группа вооруженных всадников каждый раз вызывала ненужный ажиотаж. Ситуация Коллайну явно наскучила, и он все чаще поглядывал на положение светила в небе, которое указывало на близость вечера.

Эндон Кроунт встретил настороженно, не зная, чего от нас ждать. Дом с очень невысоким достатком, если не сказать – нищий, куча детей и жена, когда-то привлекательная, но рано увядшая женщина, – вот и все, что мы увидели, когда вошли. А где же куча всевозможных механизмов, непонятных приспособлений и всего прочего, что, по моему мнению, должно присутствовать в доме изобретателя? Ничего этого не было и в помине.

Анри, по своему обыкновению, вполголоса так прокомментировал увиденное, имея в виду детей, которых было никак не меньше десятка:

– Этот твой изобретатель не только изобретать мастер...

Согласно бумагам, найденным в Департаменте промышленности, Кроунт пытался получить вознаграждение за механизм, именуемый им водососом. Мне оставалось только гадать, что это за прибор. Скорее всего, насос.

– Скажите, Кроунт, это вы хотели получить вознаграждение за прибор, именуемый «водососом»?

Напряжение с лица Кроунта спало – уж не знаю, кого он в нас видел до этого.

– Мою работу оценили и решили выплатить вознаграждение? – с надеждой спросил он.

Пришлось его разочаровать:

– Нет, я был в департаменте, прочитал о вашем механизме и теперь хочу посмотреть, что он из себя представляет. У вас есть действующая модель?

– Нет, только чертежи... – Увидев мелькнувшее разочарование на моем лице, Кроунт зачастил: – Ваша милость, у меня нет денег, чтобы построить, но он должен работать, должен, вот посмотрите! – Он начал совать мне под нос порядком захватанные бумаги с какими-то чертежами.

Я внимательно посмотрел. Так и есть, насос, но работающий от парового двигателя. Сами-то насосы уже существуют, ходит себе лошадка по кругу и качает воду. Паровые двигатели тоже есть – маломощные и часто взрывающиеся. Поэтому и не находят широкого применения – из-за ненадежности.

– А это что? – Я ткнул пальцем в чертеж.

– Это устройство, которое избавляет котел от избыточного давления, – уныло произнес Кроунт.

Так, это уже очень интересно. Перепускной клапан, вот что это такое. И сам паровой двигатель двухцилиндровый. Значит, передо мной местный Ползунов – вот это удача! Стараясь оставаться спокойным, я спросил совсем унылого Кроунта:

– Еще что-нибудь у вас есть?

– Есть, ваша милость! – Он начал перечислять и перечислил достаточно много, но меня заинтересовали только две вещи: металлорежущий станок интересного принципа действия и часы – обыкновенные карманные часы. Для меня, естественно, обыкновенные, но не для всех остальных.

– И на все это у вас есть чертежи?

– Нет, ваша милость, большинство только в голове, – и постучал пальцем по лбу, рядом со здоровенной красной шишкой.

Я покосился на его жену, присутствующую при нашем разговоре, – уж не ее ли работа?

Мои опасения подтвердились, ее взгляд ясно говорил: вы посмотрите по сторонам, господа, на это ли я рассчитывала, выходя замуж?

– Переселиться не желаете?

– Переселиться? Куда, зачем?

– Понимаете, у меня в дне пути отсюда есть имение Стенборо. Вот туда и переселиться. Я хочу собрать в одном месте самых талантливых людей Империи и дать им возможность реализовать себя в полной мере. Талант – это дар Божий, и его не заменишь ни образованием, ни чем-нибудь другим. Либо он есть, либо его нет. У вас он есть, и немалый.

– А что я там буду делать?

– Там вы без зазрения совести будете тратить мои деньги на реализацию своих как старых, так и новых идей, которые еще только придут вам в голову. Денег будет достаточно много, это я вам обещаю. Но есть два обязательных момента...

Кроунт, до этого слушавший как зачарованный, заметно сник: ну не может быть все так здорово – приходит посторонний человек и предлагает такое, от чего даже в самых смелых мечтах захватывает дух.

– Так вот: во-первых, задачи, которые буду ставить вам я, станут приоритетными. Вы знаете, что значит слово «приоритет»? – Дождался кивка и продолжил: – А во-вторых, у вас будут ученики, которых вы будете обязаны обучить всему, что знаете и умеете сами.

– А...

– А жить вы будете в доме, который получите сразу по приезду. Еще дам корову, чтобы у детей было молоко. Все остальное зависит от вас. И не смейте отказываться, разве подобное предложение может когда-нибудь повториться?

Я сыпанул на стол горсть серебра. Коллайн чуть заметно поморщился, но добавил немногим меньше:

– Обязательно купите жене новое платье, а как надумаете, приходите по этому адресу, и не тяните. – С этими словами я положил на стол свою яркую красочную визитку, смотревшуюся на этом убогом разошедшемся столе билетом в новую жизнь.

Беда с этими гениями, вечно они свое время опережают. Тот же Кулибин умер в полной нищете именно по этой причине. Хотя нет, не очень удачный пример, Кулибин вечный двигатель изобретал, ни до чего другого ему и дела не было. А мужик матерый был, последний раз женился в семьдесят и успел трех детей заделать, улыбнулся я, вспоминая.

– Что, де Койн, этот человек действительно так важен?

– Может быть, и не сам он, но то, что у него в голове, – да. Поехали домой, Анри, скоро стемнеет. Еще хочу сказать, что благодаря этому человеку скоро не нужно будет смотреть на солнце, чтобы определить время, – для этого достаточно будет залезть себе в карман.

Анри покачал головой, но ничего не сказал.

– Иногда меня удивляет твоя расточительность, – услышал я слова Коллайна после того, как мы отъехали от дома Кроунта.

– Расточительность? В чем ты ее увидел? И потом, ты ведь сам дал ему денег.

– Ну положим, денег я дал не ему, а его детям – у них такие голодные глаза... Я это говорю к тому, что иногда ты можешь дать деньги людям, совершенно тебе незнакомым, в ситуации, когда этот жест совершенно необязателен.

Ну не так-то часто я это делаю, но объяснить свою позицию попытаюсь.

– Анри, как надолго тебе хватит десяти золотых монет при твоём образе жизни?

– Ну вряд ли мне их хватит больше чем на пару месяцев. Хотя если постараться, можно растянуть на подольше... А какое это имеет значение?

– Теперь обрати внимание на того человека, что ведет под узду клячу с телегой. Он, вероятно, как раз к себе во двор въезжает. Посмотри и оцени, во сколько встанет все его хозяйство, вместе с домом, постройками и всем остальным, – примерно оцени, навскидку.

– Да не больше чем в один золотой. – Коллайн не стал напрягать себя долгим размышлением и ответил сразу, почти не задумываясь.

– Так вот, представь себе, что волей случая эти десять золотых попадут ему в руки.

Если он правильно распорядится свалившимися ему с неба деньгами, то у него начнется совсем другая жизнь. Он построит себе новый дом, заведет живность, купит вместо этой клячи нормальную лошадь, а то и две. Займется извозом или накупит прялок и усадит за них всю семью, может быть, откроет лавку.

И выдаст наконец замуж старшую дочь, совсем не дурнушку, которую без приданого не берут и которая горько плачет в подушку каждую ночь. И все это счастье у него будет за те самые десять золотых, что ты проживешь за месяц и не заметишь этого.

Но не свалятся на него эти деньги, неоткуда им свалиться. И на большую дорогу не пойдет – не душегуб он. Вот и проживет всю оставшуюся жизнь в такой же нищете и в наследство детям только ее и оставит. Что ему нужно? А нужно ему чуть-чуть удачи в виде этих десяти желтых кружков, и только-то. Сам я, Анри, благодарю небеса за удачу, которую они мне послали в виде карты. То, что нашли мы золото и вернулись живыми, – это ведь тоже удача, и еще какая, согласись. Может, для того, чтобы она от меня не отвернулась, я и хочу хоть немного поделиться с другими. И вообще, надо не забыть сказать Прошке, чтобы Ворону на заднем правом копыте подкову перековал.

Дома меня ждало письмо от Янианны. Я сразу увидел его в общей пачке полученной корреспонденции. Небольшой конверт белой, чуть голубоватой бумаги, тщательно запечатанный сургучом. В конверте письмо, на котором всего несколько фраз, выведенных четкими красивыми буквами: «Барон Артуа де Койн, некая известная особа хотела бы с Вами встретиться». И подпись – Клеопатра. А кроме того, очень талантливо выполненное зелеными чернилами изображение двух существ, совершенно безухих и с хоботками вместо носа. Существа сидели на лавочке и вглядывались в звездное небо.

Сердце пело: уже завтра я снова увижу ее!

Коллайн, которого я увидел за столом во время ужина, вопросительно посмотрел на меня. Я ответил одним словом – завтра.

Глава 5

Камзол в наследство

Когда я вошел в комнату, Янианна сделала легкое движение навстречу, но тут же застыла. Такое поведение было понятно: мы еще слишком мало знаем друг друга, и это обстоятельство ставило между нами крошечный барьер. Но мне легко удалось преодолеть его. Я высказал девушке комплимент по поводу ее красоты, поцеловал руку, снова сказал комплимент, не выпуская из своей руки ее руку, поцеловал тонкое запястье с внутренней стороны, там, где бьется жилка ее пульса.

Затем на мгновение прижал ее руку к своей щеке, обнял за плечи, успев шепнуть на ушко о том, что навечно зачарован ее красотой, и через мгновение мы уже страстно целовались.

– Артуа, ты голоден? – спросила меня Янианна.

Я ответил не сразу, залюбовавшись чертами ее лица.

– А? Что? Нет, нет... – Как можно отвлекаться на такие вещи, когда можно смотреть на нее? – Я совсем не хочу есть. Все, что мне хочется, – так это любоваться тобой, а кушать я совсем не хочу.

– Ты немного с лица спал. И тени под глазами. – Девушка провела пальчиками по моему лицу.

Я успел поймать ее руку и крепко прижать к своим губам.

– Я прихворал немного... – И, испугавшись, что она примет меня за немощного, с плохим здоровьем, торопливо добавил: – Совсем чуть-чуть, и уже все прошло.

Господи, ну зачем я ей вру.

– Ты знаешь, Янианна, просто мне очень тяжело дались эти дни. Мне даже казалось, что это был всего лишь сон, и я тебя больше никогда не увижу.

– Ты знаешь, Артуа, я по тебе тоже скучала. Ты часто обо мне вспоминал?

– Я только о тебе и думал. В моем доме все догадались, что я влюблен, но ты даже представить не можешь, на кого они подумали.

– И ты совсем никому не сказал, что был со мной?

– Яна, ну о чем ты говоришь, как я мог? Мне это даже в голову бы не пришло.

Ведь я действительно никому ничего не говорил. Коллайн догадался сам, я же просто подтвердил очевидное.

– Почему, Артуа? При дворе это так нормально. Конечно, скрывают, когда речь идет о замужней женщине... Я же не замужем, и потом, когда твоя любовница не кто-нибудь, а сама императрица...

Я видел по ее глазам, что говорит она совершенно серьезно.

– Яна, я вижу в тебе прежде всего очень красивую девушку. Еще я хочу, чтобы ты была мне не любовницей, а любимой.

– Разве в этом есть какая-нибудь разница?

– Для меня – да, и огромная.

Девушка продолжала смотреть на меня пристально, затем отвела взгляд и сказала:

– Ну почему именно тогда, когда это больше всего нужно, я не могу определить – обманывают меня или говорят правду.

Я помолчал немного и лишь потом начал говорить, тщательно подбирая слова:

– Знаешь, Яна, у меня было достаточно времени подумать – все время, что я тебя не видел, постоянно думал о тебе, о нас с тобой. Я люблю тебя за то, что ты такая как есть, за твои глаза, за твою улыбку, за твою манеру разговаривать, а вовсе не за то, что ты Янианна Первая. Поверь, мне было бы намного легче, будь ты дочь простого пекаря, рыбака или крестьянина.

Просто скажи мне, что ошиблась, и я уйду, и ты больше никогда меня не увидишь. А сейчас ты делаешь мне больно, очень больно. Я тысячу раз представлял нашу встречу, но никогда не думал, что она получится такой.

Девушка подошла – притихшая, и даже немного печальная.

– Прости, ради бога, прости меня, Артуа...

Сердце мучительно сжалось в предчувствии, что сейчас она скажет – это была ошибка, и я даже судорожно начал готовить слова прощения. Никогда не любил мелодрам, а сейчас меня угораздило попасть в самый центр.

Но Яна прижалась ко мне и всхлипнула. Я обнял девушку, осторожно поцеловал в мягкие губы, погладил по волосам и сказал на самое ушко:

– Я очень люблю тебя, солнышко, очень-очень. И всегда буду любить, что бы ни произошло.

Мы присели на диван и долго сидели, обнявшись, не говоря ни слова.

– Яна, может быть, ты все же расскажешь, что произошло? – Не очень приятный разговор, но его нужно заканчивать.

– Ты знаешь, Артуа, я поделилась с очень близкой подругой...

Очень сомневаюсь, что у тебя при твоём положении есть близкие подруги, – это ты ошибаешься.

– ...у которой непременно должен быть хотя бы один брат, – закончил я за нее.

Девушка удивленно посмотрела на меня:

– Как ты догадался?

– Для этого вовсе не обязательно быть провидцем. Яна, я хорошо понимаю, кто я и что из себя представляю в данный момент. Все твоё окружение считает или будет считать, когда узнает обо мне, что тебе нужен совсем другой человек – равный тебе если не по положению, то по древности рода.

– Артуа, у меня сложилось впечатление, будто ты постоянно забываешь, что я могу позволить себе самой выбирать, с кем мне встречаться и ... и все остальное.

– Нет, Янианна, я ни на секунду не забываю об этом. Но в моей голове не укладывается, что такая милая девушка с таким славным характером – правительница целой Империи. Никак не укладывается, ты уж прости.

– А какая, по-твоему, она должна быть?

– Ну властная, жесткая, не терпящая возражений...

– ...и обязательно очень развратная, как твоя Клеопатра, – рассмеялась она.

– Ну безнаказанность порождает вседозволенность. – Я не задержался с ответом.

– Хорошо, Артуа, я подумаю над этим. И все же, если быть серьезным, что ты думаешь обо всем этом?

– Тебе следует немедленно порвать со мной или постараться пока не афишировать наших отношений. Знаешь, Яна, мне нужно не так уж много времени, чтобы меня начали воспринимать всерьез.

– Ты так спокойно говоришь о том, что мне нужно расстаться с тобой как можно быстрее...

Вместо ответа я взял ее руку и приложил ладонь к левой стороне груди. Яна секунду помедлила, прислушиваясь к бешеному стуку моего сердца, затем осторожно освободила руку.

– Знаешь, Артуа, что больше всего мне в тебе нравится?

– Нет, конечно, даже не догадываюсь.

– Вот мы сидим с тобой, разговариваем, ты даже пытаешься давать мне советы... И никаких тебе «ваше императорское величество, вы так божественны в этом платье» или «Леди Янианна, как вам к лицу ваш новый наряд, вы в нем выглядите богиней». – Девушка явно кого-то передразнивала, тщательно копируя чей-то слащавый тон.

– Но ведь это истинная правда.

– Дело не в том, Артуа. У тебя все получается по-другому, даже когда ты просто смотришь на меня и молчишь. И хватит о грустном, пойдем, я тебя накормлю, хочешь ты того или нет.

За столом я изо всех сил старался веселить ее, и у меня это получалось. «Девочка стала совсем взрослой, – думал я, глядя на улыбающуюся Яну. – У нее есть любовник, настоящий взрослый мужчина, которого она сейчас накормит, потом они весело проведут время, а затем у нее будет то, от чего так сладко кружится голова и так громко стучит сердце»...

Не знаю, что меня выдало, но она потребовала произнести вслух то, что я сейчас подумал. Я произнес буквально слово в слово и замер, ожидая ее реакции.

Не знаю, как насчет ее дара узнавать правду, который не работал в случае со мной, но лгать я ей не мог – язык не поворачивался по неведомой мне причине.

Яна на секунду задумалась над моими словами, затем сказала:

– Все верно, Арти, но ты упустил одну маленькую деталь: этот самый мужчина будет смотреть на меня таким взглядом, каким умеет глядеть только он...

Ни за ужином, ни после я опять не увидел ни одного слуги.

В моем представлении прислуга всегда должна присутствовать при таких высоких особах, но во время еды Янианна отлично справлялась сама, без всякой посторонней помощи, успевая еще и мне подкладывать на тарелки всякую снедь, не спрашивая, хочу я или нет.

После ужина мы очень мило общались. Бесцеремонно затолкав меня в кресло, Яна усеялась ко мне на колени и начала лазать у меня за воротом сорочки. Она забавлялась тем, что заставляла напрягать, а затем и расслаблять грудные мышцы, при этом нажимая на них ладонью. Я откровенно млел, но все же заявил, что, по моему глубокому убеждению, такие действия в отношении мужчин не входят в курс обучения принцесс хорошим манерам. На что Яна ответила, что она давно уже не принцесса и может позволить себе все, что ей в голову взбредет, и при этом чувствительно ущипнула.

Незаметно разговор скатился к делам. Янианна пожаловалась на тяжелую неделю, посетовала на то, что и следующая неделя предстоит не менее трудная. Затем рассказала, что герцог Вандерер хвастался новыми письменными принадлежностями.

Вот же старый га... гм, герцог! Мы же договаривались не показывать новинку, пока у меня на складах не соберется достаточное количество перьевых ручек.

С другой стороны, он сделал удачный маркетинговый ход: новинка всем понравилась, тем более что показывал он ее не кому-нибудь, а людям из тех самых департаментов, куда мы и планировали эти самые ручки пристроить. Что самое главное, новинку по достоинству оценила и сама Яна, убедившись в ее практичности и удобстве.

– Ваше императорское величество, если вы на мгновение покинете мои колени, то у меня появится великолепная возможность продемонстрировать одну вещь, по сравнению с которой та ручка, что имеется у герцога Вандерера, покажется вам сущей безделушкой.

– Только в одном случае, барон, – так же церемонно откликнулась Янианна, – если вы немедленно поцелуете меня.

Пришлось выполнить ее просьбу. А куда деваться? В Империи монархия, а у меня на коленях монархия.

От ручки девушка была в полном восторге. Вряд ли у меня получилось бы угодить ей больше, подари я нечто значительно более дорогое, но привычное. Она вертела ее так и этак, пробовала писать и в конце концов перепачкала пальцы чернилами, а я оттирал их, нарочито ворча. Диковинка очень пришлась ей по душе: Гростар постарался на славу.

Глубокой ночью, когда мы насытились объятиями и ласками друг друга, я опять рассказывал ей о своих приключениях во время похода за золотом. Яна прижималась ко мне в особо страшных местах, отчего я мгновенно терял нить повествования. Поняв это, она начала

прижиматься чаще, чем того требовали события, и каждый раз счастливо смеялась, пока я не понял, в чем дело.

Когда я вернулся в свой дом, то обнаружил Коллайна в очень скверном настроении. Еще не понимая причин, я постарался подбодрить его:

– Анри, ты посмотри, какой прекрасный день на дворе, птички поют...

– Де Койн, убили Жердома.

– Как – убили? – Улыбка сползла с моего лица. – Еще вечером он был жив и вместе с Прошкой сопровождал меня к дворцу, как ты и настаивал.

– Ночью в дом проник человек. Может быть, даже двое. И искали они тебя, Артуа, это не подлежит сомнению. Дверь в твою комнату открыта, есть и еще следы.

Я присел на первый попавшийся стул. Жердом не был мне близким человеком, я и знал-то его всего несколько дней. Но он, без сомнения, был хорошим человеком, и его убили в моем доме.

– Это еще не все, Артуа. Они убили Марту – видимо, она случайно оказалась у них на пути.

– Они что, вот так просто залезли в мой дом, убили двух человек и спокойно ушли?

– Вероятно, так оно и было. Я сам вернулся немногим раньше тебя.

– Где Проухв? Что-нибудь пропало?

– Насчет пропаж не знаю. Проухва я послал в Стенборо за людьми. Не знаю, как события будут развиваться дальше, но люди нам понадобятся. Извини, что принял решение за тебя, время дорого.

Не знаю, повезло мне или нет в том, что меня не было дома этой ночью, но я поступил крайне опрометчиво, отослав всех в имение. Эх, знать бы раньше...

Керон сидел у изголовья на постели Марты, своей жены. Он, обхватив голову обеими руками, покачивался из стороны в сторону. Я придвинул стул и присел рядом.

У Марты выражение лица после смерти осталось абсолютно спокойным. Она и при жизни никогда не повышала голос, не злилась и не нервничала. Добрый, ровный характер, руки, которыми она могла пошить любую вещь и приготовить любое блюдо. А как она переживала, считая мою любовь неразделенной... Она была мне почти как мать, Марта. И вот теперь ее убили, убили из-за моей глупости.

Не знаю, что сейчас испытывал Керон, проклинал ли тот день, когда судьба свела меня и его с Мартой, или находился в том состоянии, когда невозможно ничего чувствовать, кроме горя... Посидев пару минут, я встал, положил руку на плечо Керона, сжал его и вышел из комнаты.

– Анри, что ты думаешь по этому поводу? Тебе не кажется, что нападение на Стенборо и сегодняшний ночной визит – дело одних и тех же рук?

– Нападение на Стенборо – работа графа Коллина Макрудера. Конечно, он сам в ней не участвовал, но люди, напавшие на нас, наняты по прямому приказу графа. Эту новость я и хотел сообщить тебе сегодня утром – вместо той, что ты услышал. Сегодняшний визит организован тоже им, это вне всякого сомнения.

Помолчали. Сейчас я ненавидел графа, наверное, не меньше, чем он меня. И я должен его увидеть, должен, несмотря ни на что.

– Коллайн, я буду крайне тебе признателен, если ты сейчас же постарайся выяснить адрес, по которому я смогу найти Макрудера. Ты сделаешь это?

– Артуа, ты действительно этого желаешь?

– Барон, в тех местах, откуда я родом, существует одна нация, очень умная нация, но далеко не всеми любимая. Так вот, она тоже имеет обыкновение отвечать вопросом на вопрос... – Помолчал мгновение и добавил: – Извини, Анри. Я действительно хочу встретиться с ним. Мы ничего не выиграем, если будем отсиживаться в ожидании очередных событий.

Время тянулось мучительно медленно. Барон отсутствовал уже третий час, и все это время я прошагал из угла в угол своего кабинета. Сон, которому я надеялся посвятить послеобеденное время, пропал, кусок тоже в горло не лез, а для бренди или вина не самое удачное время.

Наемные убийцы – это очень серьезно. Надеюсь только, что они не из клана Черных Масок. Существует такой полуполегендарный клан где-то за Караскером, в Агнальских горах. Про них рассказывали много всяких легенд, и все они, как правило, были очень жуткими.

Они, если взяли заказ, уже не отступятся. Не удастся мне с моими убогими возможностями что-то им противопоставить. При всем желании не удастся. Слишком уж реальная сила. Говорят, к их услугам прибегают даже на уровне королевских дворов.

Будем надеяться, что это не они. В Дрондере, как и в любом приличном городе, существует свой криминал. Очень хочется думать, что мои ночные гости из их числа. Но в любом случае Анри поступил правильно.

Эх, как нельзя мне сейчас трогать Макрудера. И разговор у меня недавно был с Вандерером относительно этого. Герцог говорил полунамеками, настолько тонкими, что мне даже было трудно его понять. Черт бы их побрал, все эти дворцовые интриги. Чтобы в них разбираться, нужно здесь родиться.

Крондейлы, Вандереры и Дьебюффены. Все они имеют права на трон. Но Крондейлы правят уже несколько сот лет. Вандереры все это время относятся к ним вполне лояльно. Хотя – черт его знает, что было в том письме.

А вот Дьебюффены особенно и не скрывают своих устремлений. И эта жертва кочерги – тоже из их семейства.

Все мои действия против него могут истолковываться так, будто я действую по наущению императрицы. При желании, конечно. А желание, естественно, будет. Вот и Вандерер пытался мне сказать что-то в этом духе.

Вот же влип! Ну почему она не дочь какого-нибудь захудалого барончика? Насколько все проще было бы. Но и прощать нельзя.

Наконец Коллайн вернулся. Я с надеждой посмотрел на него, он в ответ кивнул.

– Граф сейчас в доме Стойнов. Если хочешь увидеть его, следует поторопиться: он долго там не задержится.

Графа Юлина Стойна я знал относительно неплохо и мог заявиться к нему без приглашения или предварительного уведомления.

Судьба свела нас в не самый приятный момент его жизни. Граф проигрался, задолжав достаточно крупную сумму денег. И что самое неприятное, расплатиться следовало немедленно. Когда пришла пора повысить ставки, граф пошел ва-банк, считая карты, находившиеся у него в тот момент на руках, стопроцентно выигрышными. Наличных денег к тому времени у него не оставалось вовсе. Но как гласит один из основных законов Мерфи, если неприятность возможна, она обязательно случится. Что и произошло.

Я расплатился за него, объяснив свой поступок тем, что вспомнил о просроченном долге.

Будь граф заядлым игроком, такое не пришло бы мне в голову. Но он им не был, а подобная вещь случается в жизни почти каждого мужчины. Стойн не стал рассыпаться в благодарностях, лишь пообещал вернуть деньги при первой же возможности.

Мы успели, Макрудер все еще оставался там. Я прошел к хозяину дома, который искренне мне обрадовался. Деньги давно уже были возвращены, так что в его эмоциях не было фальши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.